

ПРАВОСЛАВНОЕ ПОИТАНИЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Тропарь, глас 1-й

ОТ СВЯТЫЯ ИКОНЫ ТВОЕЯ,
О ВЛАДЫЧИЦЕ БОГОРОДИЦЕ,
ИСЦЕЛЕНИЯ И ЦЕЛЬБЫ ПОДАЮТСЯ ОБИЛЬНО,
С ВЕРОЮ И ЛЮБОВИЮ ПРИХОДЯЩИХ К НЕЙ,
ТАКО И МОЮ НЕМОЩЬ ПОСЕТИ,
И ДУШУ МОЮ ПОМИЛУЙ БЛАГЯЯ,
И ТЕЛО ИСЦЕЛИ,
БЛАГОДАТИЮ ТВОЕЮ ПРЕЧИСТАЯ.

На 1-й стр. обложки воспроизведена
Чудотворная Мироточивая Иверская Икона
Божьей Матери — новоявленная в 1982
году

Блаж. Архиепископ Иоанн (Максимович)

ПРАВОСЛАВНОЕ ПОЧИТАНИЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Вильмуассон—С.-Петербург

1 9 9 2

Приснопамятный Архиепископ Иоанн
(Максимович)

Предисловие

ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛОВИЕ БЛАЖЕННОГО
АРХИЕПИСКОПА
ИОАННА (МАКСИМОВИЧА)

Несколько лет тому назад одна Игуменья Русской Зарубежной Церкви, женщина праведной жизни, говорила поучение в храме обители в день престольного праздника, на Успение Пресвятой Богородицы. Она слезно умоляла сестер и паломников, собравшихся на праздник, всецело и безоговорочно принимать то учение, которое Святая Церковь нам передает, которое Она с таким тщанием блюла в течение всех веков, и не выбирать для себя, что в нем «важно», а что «второстепенно»; ведь считая себя мудрее священного предания, можно и совсем его утратить. Итак, когда Церковь повествует нам в Ее песнопениях и через святые иконы, что святые апостолы чудесным образом собрались со всех концов вселенной, чтобы присутствовать при Успении и Погребении Пресвятой Богородицы, мы, будучи православными христианами, не свободны отрицать или перетолковывать это, но должны верить церковному преданию просто и чистосердечно.

Молодой американец, принявший православие и выучивший русский язык, присутствовал при этом поучении. Глядя на иконы, написанные в традиционном иконописном стиле, на которых апостолы изображены на тучах, несущих их к Успению Божией Матери, он как раз сам задумывался над этим вопросом. Спрашивалось, действительно ли мы должны понимать это как чудесное событие или это просто «поэтическое» объяснение собрания всех апостолов к этому событию, или может даже некое оригинальное «идеализированное» изображе-

ние вообще не состоявшегося события? (Таковы, на самом деле, вопросы, занимающие некоторых современных «православных богословов»). Слова праведной Игумении глубоко поразили молодого американца-неофита, и ему стало ясно, что есть нечто более глубокое в восприятии и понимании православия, чем то, что открывает нам наш ум и наши чувства. В то мгновение православное предание передавалось ему не книгами, а живым сосудом, восполненным этим учением и преданием, и необходимо было воспринимать не умом только или чувствами, но прежде всего сердцем, которое таким образом и начало глубже проникаться православием.

Впоследствии этот молодой неофит познакомился, через чтение и лично, со многими богословски образованными православными христианами. Это были наши современные «богословы», которые учились в православных учебных заведениях и стали «богословами-специалистами». Они обычно охотно поясняли что православно, а что инославно, что важно, а что второстепенно в самом православии, и некоторые из них гордились своим «консерватизмом» или «традиционализмом» в вопросах веры. Но ни в одном из них не чувствовался авторитет той простой Игумении, которая говорила его сердцу, несмотря на всю свою «богословскую необразованность».

И сердце этого неофита, только начинающего сознательную православную жизнь, жаждало понимания того, *ка к в е р и т ь*, что означало и *к о м у в е р и т ь*. Он был уж очень человеком нашего века и современного воспитания, чтобы суметь просто отречься от своих собственных размышлений и слепо верить всему сказанному ему; да и совершенно очевидно, что православие и не требует такого: ведь сами творения святых отцов—это живое свидетельство о трудах человеческого разума, просвещенного Божьей благодатью. Но также очевиден и некий недостаток у современных «богословов», которые, несмотря на всю присущую им «логичность», последовательность и знание святоотеческих текстов, не смогли передать дух, характер и обаяние православия, как смогла простая, неученая Игумения.

Поиски нашего неофита, поиски контакта с истинным и

живым православным преданием, завершились встречей с Архиепископом Иоанном (Максимовичем). В нем он нашел и образованного богослова «старой» школы, но в тоже время очень осведомленного о критике такого рода богословия в современной богословской мысли, и который своим чутким умом мог распознать истину, где она могла быть оспоренной. Но в нем было и то, чего не хватало всем богословским «мудрецам» нашего века — простота и авторитетность благочестивой Игумении, которые так поразили сердце молодого Богоискателя. Владыка Иоанн покори́л его ум и сердце не потому, что он стал для него «непогрешимым» — в Церкви Христовой нет ничего такого — но потому, что он в этом святителе увидел пример православия, настоящего богослова, чье богословие было последствием праведной жизни и глубоко укоренено в священном предании Православной Церкви... И наш молодой неофит обнаружил, что, несмотря на его чуткий ум и критическое мышление, слова Владыки Иоанна гораздо чаще согласовались со словами простой Игумении, чем со словами образованнейших современных богословов.

Богословские труды Владыки Иоанна не принадлежат определенной «школе», в них не видно «влияния» ни одного богослова недавнего прошлого. Правда, Владыка Иоанн был призван богословствовать — в таком же смысле, в котором он был призван к монашеству и служению Церкви своим великим учителем Митрополитом Антонием (Храповицким), и так же верно, что он полностью освоил стремление своего наставника отстаивать необходимость «возврата к святым отцам» и к богословию, основанному на моральной и духовной жизни, нежели чисто академическому. Но богословские труды самого Митрополита Антония очень различны и в духе, и в самом замысле, и в содержании. Он много вращался в современных ему академическом и интеллигентском обществах, и многие его сочинения посвящены аргументам и апологетике, приемлемым в знакомых ему кругах. В трудах Владыки Иоанна, наоборот, совершенно отсутствует апологетика, они не открыты для дискуссии. Он не спорил, а просто излагал православное учение. Когда была необходимость опровергать

ложные учения, (самым ярким примером чего служат его две длинные статьи о софианстве Булгакова), слова Владыки убеждали не последовательностью или логичностью аргументации, а самой силой изложенного им святоотеческого учения и цитируемых текстов. Он обращался не к академической или образованной среде, а к неповрежденной православной совести, и он не говорил о «возврате к святым отцам», потому что то, что он писал было просто пересказом и передачей святоотеческого предания, без всякого попытка оправдать или извинить такой подход.

Источники богословия Владыки Иоанна очень просты: Священное Писание, Святоотеческие писания (в особенности великих отцов IV и V веков) и самое отличающее — православные богослужебные тексты. Последние, которые редко использовались в таком объеме новейшими богословами, указывают на чисто практический, нежели научный подход Владыки Иоанна к богословию. Очевидно, что он был полностью поглощен богослужением православной Церкви и что его богословие вдохновлено этим прямым источником. Вдохновение приходило не во время часов досуга, предоставленные для богословствования, а во время его ежедневного присутствия на всех церковных службах. Он воспринимал богословие как неотъемлемую часть обыденной жизни, и, несомненно, это сделало его богословом в гораздо большей степени, чем формальные богословские занятия.

Следовательно, у Владыки Иоанна мы не обнаружим богословской «системы». Нельзя это понимать как «протест» против великих трудов «систематического богословия» IX в. в России; Владыка, без всяких сомнений, пользовался систематическими катехизисами того времени в своей миссионерской деятельности. (Как делали многие великие святители и Греции, и России в IX и XX вв., считая эти катехизисы превосходными пособиями для православного просвещения своих народов.) В этом Владыка не следовал моде и не принадлежал к какому-либо течению среди богословов и их последователей ни в прошлом, ни в настоящем, так как они слишком часто

чересчур большое значение придают какому-нибудь определенному взгляду на православное богословие. Он в равной степени уважал Митрополита Антония (Храповицкого) и его «антизападную тенденцию» и Митрополита Петра (Могилу), который якобы был слишком «под влиянием» запада. Когда говорили ему о недостатках этих великих святителей и защитников Православия, Владыка отмахивался и говорил, что это «неважно», потому что он прежде всего думал о великом святоотеческом наследии, которое эти богословы успешно передавали, несмотря на недостатки. Многие современные молодые богословы, часто подходящие к православному богословию слишком абстрактно, теоретически, полемично и односторонне, могли бы поучиться у Владыки.

Для Владыки Иоанна богословские «категории» даже мудрейших ученых богословов были «неважны»; точнее, они были неважны, если они не передавали истину и суть дела, а просто заучивались. Один случай, происшедший, когда Владыка был в Шанхае, ярко характеризует свободу его богословского мышления. Однажды, присутствуя на устных экзаменах по Закону Божию старшего класса школы кафедрального собора, он прервал безошибочное перечисление учеником «второстепенных пророков» Ветхого Завета резким и категорическим замечанием: «Нету «второстепенных» пророков!» Понятно, Батюшка-учитель класса обиделся на то, что Владыка подрывает его учительский авторитет, но, наверное, до сегодняшнего дня ученики помнят это кажущееся странным отрицание принятых «категорий», а, возможно, некоторые из них поняли и то, что Владыка Иоанн хотел сказать: у Бога в с е пророки велики и важны, и этот факт гораздо важнее всех «категорий» наших знаний о них, какими бы они не были правильными сами по себе. В своих богословских статьях Владыка Иоанн часто таким неожиданным поворотом мысли открывает нам новую сторону или более глубокое значение обсуждаемого предмета. Очевидно, что для него богословие было не просто человеческой, земной наукой, чьи сокровища исчерпываются нашими рационалистическими интерпретациями или в которой мы можем стать самодовольными «экспертами», но было

чем-то ведущим к небесному, что должно привлекать наши умы к Богу и небесным реальностям, которые нельзя постичь логическими системами мышления.

Известный русский церковный историк Н. Тальберг предлагает нам (в «Летописи» Еп. Саввы, гл. 23), прежде всего, понимать Владыку Иоанна как «юродивого Христа ради, оставшимся таковым и в епископском сане», и в этом качестве сравнивает его со святым Григорием Богословом, который в том же, в чем и Владыка Иоанн, не соответствовал стандартным пониманиям «облика» епископа. Именно это «юродство» (по мирским понятиям) придает характерный тон богословским сочинениям и святого Григория, и Владыки Иоанна; и тот, и другой отдаляются от «общественного мнения», от того, как «все думают» и таким образом не зависят от какого-либо «течения» или «школы». Они подходят к богословским вопросам с возвышенной, не академической точки зрения и этим избегают мелких ссор и сварливого духа. С новыми, неожиданными поворотами мысли их сочинения прежде всего становятся источником вдохновения и более глубокого понимания Божьего откровения.

Пожалуй, больше всего поражает абсолютная простота Владыкиных сочинений. Сразу ясно, что он принимает Православное предание прямо и безоговорочно, без всяких «двуличных» мыслей о том, как можно верить в это предание и все-таки оставаться «развитым, культурным» человеком. Он знал современную «критику» и, будучи спрошен, мог дать конкретные, четкие причины своего несогласия с ней в большинстве вопросов. Он тщательно изучил вопрос «западного влияния» в Православии в течение предыдущих столетий и держался трезвой, уравновешенной точки зрения, осторожно разбираясь в том, что должно исключать как неприемлемое для Православия и чего не следовало рекомендовать, но из-за чего не следовало «горячиться», и в том, что можно было принять как соответствующее православному образу жизни и благочестия. (Из этого становится ясно, что у Владыки Иоанна не было «предубеждений», он все проверял исключительно трезвым православным учением). Но, несмотря на все его зна-

ния и умение критически размышлять, он продолжал верить в Православное предание просто, каким оно и передано нам Церковью. Большинство современных православных богословов, даже если они не подвержены самому крайнему протестантско-реформаторскому мышлению, все-таки смотрят на Православное предание через академическую обстановку, привычную для них. А Владыке Иоанну, прежде всего, были «привычны» православные богослужения, которым он посвящал много часов ежедневно, и таким образом у него отсутствует даже малейший «привкус» рационализма (не обязательно даже в плохом смысле этого слова), который находим и у самых выдающихся академических богословов. В его сочинениях нет «проблем»; его обыкновенно многочисленные цитаты лишь только указывают, где находится учение Церкви. В этом смысле он абсолютно единодушен с «мышлением Святых Отцов» и кажется нам как бы одним из них, а не просто комментатором богословия прошлого.

Богословские сочинения Владыки Иоанна, напечатанные в различных церковных периодических изданиях в течение четырех десятилетий, никогда не были собраны в один том. Имеющиеся сегодня у Свято-Германовского братства наполнили бы книгу в 200 страниц. Его более длинные сочинения написаны им в молодости, еще будучи иеромонахом в Югославии, где его уже признавали выдающимся православным богословом. Особенно ценны его две статьи о софианстве Булгакова, из которых одна очень убедительно и объективно указывает на полное невежество Булгакова в сфере патристики, а вторая еще более ценна, как классическое изложение истинного святоотеческого учения о Премудрости Божией. Среди его более поздних сочинений следует обратить внимание на статью о православной иконописи (в которой он, кстати, оказывается гораздо более осведомлен в вопросе «западного влияния» в иконописи, чем его учитель, Митрополит Антоний); на серию проповедей, названную «Три Евангельских Праздника», в которой он открывает более глубокое значение нескольких «второстепенных» церковных праздников, и на статью «Церковь: Тело Христово». Более краткие статьи и

проповеди Владыки Иоанна тоже богословски насыщены. Одна проповедь начинается с «Гимна Богу» св. Григория Богослова и в таком же возвышенном, патристическом тоне обличает современное безбожие. В другой, произнесенной в Великий Пяток 1936 года, Владыка обращается к умершему Христу, лежащему во гробе. Она могла бы быть сказанной тем же Святым Отцом.

Начинаем эту серию публикаций с классического изложения Владыкой Иоанном Православного учения о почитании Божией Матери и важнейших ошибках, направленных против него. Самая длинная глава является ярким и четким опровержением латинского догмата о «непорочном зачатии».

Иеромонах Серафим (Роуз)

Какъ св. Православная Церковь чтитъ и чтить Божию Матерь.*

*“Достойно есть величати Тя,
Честнѣйшую Херувимъ и слав-
нѣйшую безъ сравненія Серафимъ”*

22 іюня 1931 года въ Бѣлградѣ было совершено торжественное освященіе храма-часовни въ честь Иверскія чудотворныя иконы Божіей Матери, построеннаго на кладбищѣ, отведенномъ для русскихъ. Освященіе совершала Патріархъ Сербскій Варнава въ сослуженіи Митрополита Кіевского и Галицкаго Антонія и Епископа Лондонскаго Николая. Какое замѣчательное сочетаніе именъ! Востокъ (Иверія—Грузія) и столица запада Лондонъ, іерархъ священной купели русскаго народа, патріархъ коего нѣкогда назывался патріархомъ “и всѣхъ сѣверныхъ странъ”, и первоіерархъ южныхъ славянъ — все это соединяется для торжества въ честь Честнѣйшей Херувимъ.

Но еще знаменательнѣе оно, когда вспомнимъ, что въ тотъ день, когда по улицамъ Бѣлграда несли доставленную изъ земного удѣла Божіей Матери — Святой Горы Аѳонской — икону Заступницы рода Христіанскаго, въ тотъ именно день исполнилось 1500 лѣтъ открытія Третьяго Вселенскаго Собора, когда вечеромъ народъ торжественно привѣтствовалъ Святыхъ Отцовъ, защитившихъ почи-

*Печатается съ 1933 года изданія въ «Прав.Русск.Календарѣ» на 1933 годъ, типографія Братства Прид. Іова Почаевскаго во Владиміровѣ у Свидника, Чехословакія.

таніе Богоматери и осудившихъ еретиковъ, ее хулившихъ.

Православные христіане, отдѣленные другъ отъ друга пространствомъ или вѣками, объединяются своей любовію къ Той, Которая родила Соединившаго въ одно небесное и земное. Поистинѣ сбылись и сбываются Ея слова: “Отнынѣ ублажать Мя вси роди”.

I.

Почитаніе Божіей Матери во дни Ея земной жизни.

Отъ Апостольскихъ временъ и до нашихъ дней всѣ истинно любящіе Христа воздають почтеніе Той, Которая родила Его, воспитывала и оберегала въ дни дѣтства. Если Ее избралъ Богъ Отецъ, сошелъ на Нее Духъ Святый, Богъ Сынъ вселился въ Нее, повиновался Ей въ дни дѣтства, заботился о ней, вися на крестѣ, то не долженъ ли Ей кланяться всякій, исповѣдующій Святую Троицу?

Еще въ дни Ея земной жизни друзья Христовы, Апостолы, проявили большую заботливость и преданность по отношенію къ Матери Господа, въ особенности евангелистъ Іоаннъ Богословъ, который, исполняя волю Ея Божественнаго Сына, взялъ къ себѣ и заботился о Ней, какъ о Матери, съ того времени, какъ Господь со креста изрекъ ему: “Се мати Твоя”.

Евангелистъ Лука написалъ нѣсколько Ея изображеній, одни вмѣстѣ съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, другія безъ Него. Когда онъ принесъ и показалъ ихъ Пресвятой Дѣвѣ, Она одобрила ихъ и сказала: “Благодать Сына Моего будетъ съ ними”, и повторила нѣкогда въ домѣ

Елисаветы воспѣтую Ею пѣснь: “Величить душа Моя Господа, и возрадовася духъ Мой о Бозѣ, Спасѣ Моемъ.”

Впрочемъ, Дѣва Марія уклонялась во время своей земной жизни отъ славы, принадлежащей Ей, какъ Матери Господа. Она предпочитала проводить жизнь въ тишинѣ и подготавливаться къ переходу въ вѣчную жизнь. До послѣдняго дня Своей земной жизни Она заботилась о томъ, чтобы оказаться достойной Царства Сына Своего, и передъ смертію молилась, чтобы Онъ избавилъ Ея душу отъ злобныхъ духовъ, встрѣчающихъ людскія души по пути къ небу и стремящихся захватить ихъ, чтобы отвести къ себѣ въ адъ. Господь исполнилъ молитву Своей Матери и въ часъ кончины Ея Самъ пришелъ съ неба со множествомъ ангеловъ пріять Ея душу.

Такъ какъ Божія Матерь молилась еще о томъ, чтобы могла проститься съ Апостолами, то Господь собралъ къ Ея кончинѣ и всѣхъ Апостоловъ, кромѣ Ѳомы, невидимою силою донесенныхъ въ тотъ день въ Іерусалимъ со всѣхъ концовъ вселенной, гдѣ они проповѣдывали, и они присутствовали при Ея блаженномъ переходѣ въ вѣчную жизнь.

Со священными пѣснопѣніями предали Апостолы погребенію Ея Пречистое тѣло, а на третій день открыли гробъ, чтобы еще разъ поклониться останкамъ Божіей Матери, вмѣстѣ съ прибывшимъ тогда въ Іерусалимъ апостоломъ Ѳомой. Но они не нашли въ гробѣ тѣла и въ недоумѣніи вернулись къ себѣ, а во время трапезы имъ явилась на воздухѣ Сама Богоматерь, сіяющая небеснымъ свѣтомъ и повѣдала, что Сынъ Ея прославилъ и тѣло Ея, и Она, воскрешенная, предстоить Его Престолу. При семъ обѣщала Она быть съ ними всегда.

Апостолы съ великою радостію привѣтствовали Богородицу и стали ее почитать не только, какъ Мать ихъ возлюбленнаго Учителя и Господа, но и какъ свою небесную помощницу, покровительницу христіанъ и зас-

гупницу за весь родъ людскій передъ Праведнымъ Судією. И всюду, гдѣ проповѣдывалось Евангеліе Христово, прославляться стала и Его Пречистая Матерь.

II.

Первые недруги почитанія Богоматери.

Чѣмъ болѣе распространялась Христова вѣра, чѣмъ больше на землѣ славилось Имя Спасителя міра, а вмѣстѣ съ Нимъ и Та, Которая удостоилась быть Матерію Богочеловѣка, тѣмъ больше увеличивалась и ненависть къ Ней враговъ Христовыхъ. Марія была Мать Иисусова. Она явила невиданный примѣръ чистоты и праведности, къ тому же Она, и переселившись изъ этой жизни, была могущественною, хотя и невидимою тѣлесными очами, поддержкою христіанъ. Поэтому всѣ, кто ненавидѣлъ Иисуса Христа и не вѣровалъ въ Него, кто не понималъ Его ученія, вѣрнѣе сказать, не хотѣлъ понимать такъ, какъ понимала Церковь, кто хотѣлъ Христову проповѣдь замѣнить своими человѣческими умствованіями — всѣ они ненависть ко Христу, къ Евангелію и Церкви, переносили на Пречистую Дѣву Марію. Хотѣли унизить Мать, чтобы тѣмъ разрушить и вѣру въ Ея Сына, создать ложное представленіе о Ней среди людей, чтобы имѣть возможность и все христіанское ученіе перестроить на другихъ основаніяхъ. Въ утробѣ Маріи соединился Богъ и человѣкъ, Она была Той, Которая послужила какъ бы лѣствицей для Сына Божія, Сшедшаго съ неба. Нанести ударъ почитанію Ея значитъ ударить христіанство по корню, разрушить въ самомъ основаніи.

И самое начало Ея небесной славы ознаменовалось на землѣ вспышкой злобы и ненависти къ Ней невѣрныхъ. Когда послѣ Ея Святой кончины, Апостолы несли Ея тѣло для погребенія въ Геѳсиманію къ выбранному Ею мѣсту, Іоаннъ Богословъ впереди несъ райскую вѣтвь, которую за три дня передъ тѣмъ архангель Гавріиль принесть Святой Дѣвѣ, прійдя съ небесъ возвѣстить Ей о предстоящемъ переходѣ Ея въ небесныя обители.

“Во исходѣ Израилевѣ отъ Египта, дому Іаковля изъ людей варваръ” началъ Апостоль Петръ псаломъ 113, “Аллилуіа” подхватило все собраніе апостоловъ и ихъ учениковъ, какъ, напримѣръ, Діонисій Ареопагитъ, также чудесно доставленныхъ тогда въ Іерусалимъ. И когда пѣлась эта священная пѣснь, называвшаяся у евреевъ “великая аллилуіа”, т.е. великое “хвалите Бога”, одинъ еврейскій священникъ, Аѳоній, подскочилъ къ носилкамъ и хотѣлъ, опрокинувъ ихъ, бросить на землю тѣло Богоматери.

Дерзость Аѳонія была тотчасъ наказана: Архангель Михаилъ невидимымъ мечемъ отсѣкъ ему руки, оставшіяся висѣть на носилкахъ. Пораженный Аѳоній, испытывая мучительную боль, въ сознаніи своего грѣха обратился съ молитвой къ ненавидимому имъ дотолѣ Іисусу и былъ тотчасъ исцѣленъ. Онъ не замедлилъ принять христіанство и исповѣдать его предъ своими бывшими единовѣрцами, за что и принялъ отъ нихъ мученическую кончину. Такъ попытка оскорбить честь Богоматери послужила къ Ея большому прославленію.

Враги Христовы не рѣшились больше тогда грубою силою проявлять свое непочтеніе къ тѣлу Пречистой, но злоба ихъ не прекратилась. Видя, что христіанство всюду распространяется, они начали распространять про христіанъ разные гнусныя клеветы. Не пощадили они и имя Матери Христовой и выдумали, будто Іисусъ изъ Наза-

рета происходить изъ низкой и безнравственной среды, и мать Его дружила съ однимъ римскимъ солдатомъ.

Но ложь была здѣсь слишкомъ очевидная, чтобы эта выдумка могла привлечь къ себѣ серьезное вниманіе. Всю семью Обручника Іосифа и Саму Марію хорошо знали современные имъ жители Назарета и его окрестностей. “Откуда сему премудрость сія и силы? Не сей ли есть тектонъ, сынъ тектоновъ, Іосифовъ, сынъ Маріинъ, братъ же Іакову и Іосіи и Іудѣ и Симону? И не сестры ли его здѣ суть въ насъ?” говорили Его соотечественники въ Назаретѣ, когда Христось обнаружилъ передъ ними въ синагогѣ Свою неземную мудрость. (Мѣ. XIII, 54-55; Мр. VI, 3; Лк. IV, 22). Въ маленькихъ городкахъ хорошо извѣстны семейныя подробности каждаго; за чистотой брачной жизни тогда весьма строго наблюдали.

Неужели бы къ Іисусу съ уваженіемъ относились, позволяли проповѣдывать въ синагогѣ, если бы Онъ былъ рожденъ отъ незаконнаго сожительства? Къ Маріи былъ бы примѣненъ законъ Моисеевъ, повелѣвавшій побивать камнями подобныхъ лицъ; фарисеи не разъ бы воспользовались случаемъ упрекнуть Христь за поведеніе Его Матери. А между тѣмъ было обратное, Марія пользовалась большимъ уваженіемъ, въ Канѣ была почетною гостьею на свадьбѣ, и даже, когда осудили Сына Ея, никто не позволилъ себѣ высмѣивать или порицать Его Мать.

III

Попытки евреевъ и еретиковъ опорочить Приснодѣвство Маріи.

Еврейскіе клеветники скоро убѣдились, что опорочить Мать Іисуса почти невозможно, и на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыми они сами располагають, гораздо легче доказать Ея похвальную жизнь. Поэтому они оставляють эту свою клевету, уже подхваченную было язычниками (Оригенъ, «Противъ Цельса», I), и стараются доказать, по крайней мѣрѣ, что Марія не была дѣвою, когда раждала Христа. Они говорятъ даже, что и предсказанія о рожденіи Мессіи дѣвою никогда не существовало, что поэтому совершенно напрасно христіане думаютъ возвысить Іисуса тѣмъ, что будто на Немъ исполнилось пророчество.

Нашлись еврейскіе переводчики (Акила, Симахъ, Ѳеодотіонъ), которые составили новые переводы Ветхаго Завета на греческій языкъ и въ нихъ они извѣстное пророчество Исаіи перевели: “Вотъ, молодая женщина зачнетъ” (Исаія VII, 14); они утверждали, что еврейская рѣчь “ААЛМА” означаетъ молодую женщину, а не дѣву, какъ стояло въ священномъ переводѣ 70 толковниковъ, гдѣ это мѣсто переведено “Се дѣва во чревѣ прииметъ”.

Новымъ переводомъ хотѣли показать, что христіане на основаніи неправильнаго перевода слова “ААЛМА” думаютъ приписать Маріи совершенно невозможное — рожденіе безъ мужа, въ то время, какъ въ дѣйствительности Христово рожденіе ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ человѣческихъ рожденій.

Однако, злонамѣренность новыхъ переводчиковъ ясно обнаружилась, такъ какъ изъ сличенія разныхъ мѣстъ Библіи ясно видно, что слово “ААЛМА” означаетъ

именно “дѣва”. Да и не только евреи, но и язычники на основаніи своихъ преданій и разныхъ предсказаній ожидали, что Избавитель міра родится отъ Дѣвы. Евангеліе ясно говорило, что Господь Іисусъ родился отъ Дѣвы.

“Како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю”, спрашивала давшая обѣтъ дѣвства Марія у Архангела Гавріила, благовѣстившаго Ей о рожденіи Христа.

И отвѣтилъ Ангель: “Духъ Святый найдетъ на Тя и Сила Вышняго осѣнитъ Тя; тѣмже и раждаемое свято наречется Сынъ Божій” (Луки I, 34-35).

Позднѣ Ангель явился и праведному Іосифу, который захотѣлъ отпустить изъ дому Марію, ведя что Она зачала, не вступая съ нимъ въ брачное сожителство. Іосифу Архангель Гавріиль сказалъ: “Не убойся пріяти Маріамъ, жены твоя, рождшеебоя въ Ней отъ Духа есть Свята”, и напомнилъ ему пророчества Исаи о зачатіи Дѣвою (Матѳея, I, 18-25).

Прозябшій Аароновъ жезлъ, камень безъ рукъ отторгнувшійся отъ горы, видѣнный Навуходоносоромъ во снѣ, истолкованномъ пророкомъ Данииломъ, затворенныя врата, видѣнные пророкомъ Іезекиилемъ, и многое другое въ Ветхомъ Завѣтѣ прообразовало рожденіе Дѣвою. Подобно тому, какъ Адамъ былъ сотворенъ Словомъ Божиимъ изъ необдѣланной и дѣвственной земли, такъ и Себѣ Слово Божіе создало плоть отъ дѣвственной утробы, когда Сынъ Божій сдѣлался новымъ Адамомъ, чтобы исправить грехопаденіе перваго Адама (Св. Иринеи Ліонскій, кн. III).

Отвергать безсѣмное рожденіе Христа могутъ и могли лишь отвергающіе Евангеліе, а Христова Церковь искони исповѣдуетъ Христа “воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы”. Но рожденіе Бога отъ Приснодѣвы явилось камнемъ преткновенія для тѣхъ людей, которые желали называться христіанами, но не желали смириться

умомъ и ревновать о чистотѣ жизни. Чистая жизнь Маріи явилась укоромъ для тѣхъ, которые нечисты и въ своихъ помыслахъ. Чтобы показаться христіанами, онѣ смѣли отрицать, что Христось родился отъ Дѣвы, но стали утверждать, что Марія оставалась Дѣвою лишь “*дондеже*” роди сына Своего первенца Іисуса”.

“Послѣ рожденія Іисуса”, говорилъ въ 4 вѣкѣ лжеучитель Гелвидій, а также многіе до и послѣ него, “Марія вступила въ супружескую жизнь съ Іосифомъ и имѣла отъ него дѣтей, именуемыхъ въ Евангеліи братьями и сестрами Христа”. Но слово “*дондеже*” не означаетъ, что Марія оставалась дѣвою лишь до извѣстнаго времени. Слово “*дондеже*” и ему подобныя часто означаютъ вѣчность. Въ Священномъ Писаніи говорится о Христѣ: “Возсіяетъ во днѣхъ Его правда и множество мира, *дондеже* отыметъ луна” (Псаломъ 71, 7), но это не означаетъ, что когда не станеть луны при кончинѣ свѣта, не станеть правды Божіей; тогда-то именно она восторжествуетъ. Или что значить сказанное: “подобаетъ Ему царствовать, *дондеже* положить вся враги подъ ногами Своими”? Неужели Господь имѣетъ царствовать лишь столько времени, пока враги Его не будутъ подъ ногами Его! И Давидъ въ четвертомъ псалмѣ степеней говорить: “яко очи рабыни въ руку госпожи своея, тако очи наши ко Господу Богу нашему, *дондеже* ущедрить ны”. Итакъ, пророкъ будетъ имѣть очи ко Господу до тѣхъ поръ, пока не испроситъ милости, а испросивши милость, обратитъ на землю? (Блаж. Іеронимъ, «О приснодѣвствѣ Бл. Маріи»; I Кор. XV, 26; Псаломъ 122, 3). Спаситель въ Евангеліи говоритъ апостоламъ: “Се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка”. Итакъ, по скончаніи вѣка Господь отступитъ отъ учениковъ своихъ, и тогда, когда они на двѣнадцати престолахъ будутъ судить двѣнадцать колѣнъ израильскихъ, они не будутъ имѣть обѣщаннаго

общенія съ Господомъ? (Блаж. Иеронимъ, тамъ же; Мѣ. XXVIII, 20).

Неправильно также думать, будто братья и сестры Христовы были дѣтьми Его Пресвятой Матери. Названія “*братъ*” и “*сестра*” имѣютъ самое различное значеніе. Обозначая извѣстное родство между людьми или ихъ духовную близость, эти слова употребляются то въ болѣе широкомъ, то въ болѣе узкомъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ братьями или сестрами называются люди, имѣющіе общихъ отца и мать, или только общаго отца или мать, даже происходящіе отъ разныхъ отцовъ и матерей, если ихъ родители позднѣе (овдовѣвши) сочетались бракомъ (сводные братья), или же, если ихъ родители связаны близкими степенями родства (братья двоюродные).

Изъ Евангелія нигдѣ не видно, чтобы названные тамъ братья Иисусовы были или считались дѣтьми Его Матери. Наоборотъ, было извѣстно, что Іаковъ и другіе были сыновья Іосифа, Обручника Маріи, который былъ вдовъ и отъ первой жены имѣлъ дѣтей. (Св. Епифаній Кипрскій, «Панаріонъ о ереси», 78). Также и сестра Матери Его, Марія Клеопова, которая съ нею стояла у креста Господня (Іоанна, XIX, 25), также имѣла дѣтей, которыя съ полнымъ правомъ, въ виду столь близкаго родства, могли называться братьями Господними. Что, такъ называемые, братья и сестры Господни не были дѣтьми Его Матери, ясно видно изъ того, что Господь поручилъ передъ смертію Свою Мать возлюбленному Своему ученику Іоанну. Для чего бы Онъ это дѣлалъ, еслибъ Она имѣла еще дѣтей, кромѣ Него? Они бы сами позаботились о Ней. Сыновья же Іосифа, мнимаго отца Іисусова, не считали себя обязанными заботиться о своей, какъ они думали, мачихѣ, или, во всякомъ случаѣ, не питали къ ней такой любви, съ какой относятся родныя дѣти къ родителямъ, и которую возымѣлъ къ Ней усыновленный Іоаннъ.

Такимъ образомъ, внимательное изученіе Священнаго Писанія съ полной ясностью обнаруживаетъ несостоятельность возраженій противъ Приснодѣвства Маріи и посягаетъ тѣхъ, кто учитъ иначе.

IV

Несторіанская ересь, провозгласившая Богородицу только Христородицею, и III Вселенскій Соборъ.

Когда должны были замолчать тѣ, кто дерзаль говорить противъ святости и непорочности Пресвятой Дѣвы Маріи, тогда была сдѣлана попытка разрушить почитаніе Ея, какъ БОЖІЕЙ МАТЕРИ. Въ V вѣкѣ константинопольскій архіепископъ Несторій сталъ проповѣдывать, что отъ Маріи родился лишь человѣкъ Іисусъ, въ котораго вселилось божество и обитало въ Немъ, какъ въ храмѣ. Онъ позволилъ сначала своему пресвитеру Анастасію, а потомъ и самъ началъ, открыто поучать въ церкви, что Марію нельзя называть Богородицей, такъ какъ Она не родила Богочеловѣка. Онъ считалъ унижительнымъ для себя поклоняться младенцу, обвитому пеленами и лежащему въ ясляхъ.

Такіе проповѣди вызвали всеобщее смущеніе и безпокойство за чистоту вѣры сначала въ Константинополь, а потомъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, куда дошли слухи о новомъ ученіи. Св. Прокль, ученикъ Іоанна Златоустаго, бывшій тогда епископомъ Кизическимъ, а впослѣдствіи архіепископомъ Царьградскимъ, въ при-

сутствіи Несторія произнесъ въ церкви проповѣдь, въ которой исповѣдываль Сына Божія, родившагося плотію отъ Дѣвы, которая воистину есть Богородица, ибо уже во чревѣ Пречистой, во время зачатія, Божество соединилось съ зачатымъ отъ Святаго Духа Младенцемъ, Который хотя лишь человѣческою своею природою родился отъ Дѣвы Маріи, но родился уже истиннымъ Богомъ и истиннымъ человѣкомъ.

Несторій упорствовалъ и не соглашался измѣнить свое ученіе, говоря, что нужно отличать Іисуса и Сына Божія, что Марію нужно называть не Богородицею, а Христородицею, такъ какъ Іисусъ, родившійся отъ Маріи, былъ лишь человѣкъ—Христосъ (что значитъ Мессія, помазанникъ), подобный прежнимъ помазанникамъ Божиимъ — пророкамъ, только превосходившій ихъ полнотою общенія съ Богомъ. Ученіе Несторія, такимъ образомъ, являлось отрицаніемъ всего домостроительства Божія, ибо если отъ Маріи родился лишь человѣкъ, то не Богъ пострадалъ за насъ, а человѣкъ.

Святый Кирилль, архіепископъ александрійскій, узнавъ о ученіи Несторія и церковныхъ настроеніяхъ, вызванныхъ имъ въ Константинополѣ, написалъ письмо Несторію, въ которомъ убѣждалъ его держаться того ученія, которое Церковь исповѣдывала отъ своего основанія, и не вводитъ въ него ничего новаго. Кромѣ того, св. Кирилль писалъ клиру и народу константинопольскому, чтобы были тверды въ православной вѣрѣ и не боялись гоненій со стороны Несторія на тѣхъ, кто не былъ согласенъ съ нимъ. Сообщилъ св. Кирилль обо всемъ и въ Римъ, Св. папѣ Келестину, который со всей своей паствою былъ тогда твердъ въ православіи.

Св. Келестинъ со своей стороны писалъ Несторію и призывалъ его проповѣдывать православную, а не свою собственную вѣру. Несторій оставался глухъ ко всѣмъ

убѣжденіямъ и отвѣчалъ, что то, что онъ проповѣдуетъ, и есть православная вѣра, а его противники — еретики. Св. Кирилль еще писалъ Несторію и составилъ 12 анаѳематствъ, т. е. изложилъ въ 12 членахъ главныя отличія православнаго ученія отъ проповѣдуемаго Несторіемъ, признавая отлученнымъ отъ церкви всякаго, который бы отвергалъ хотя одинъ изъ составленныхъ имъ членовъ.

Несторій отвергъ цѣликомъ все, изложенное св. Кирилломъ, и написалъ свое изложеніе проповѣдуемаго имъ ученія, также въ 12 членахъ, предавая анаѳемѣ, т. е. отлученію отъ церкви, каждаго, кто ихъ не прійметъ. Опасность за чистоту вѣры все возрастала. Св. Кирилль написалъ письма царю Θεодосію Малому, тогда царствовавшему, его женѣ Евдокіи и сестрѣ царя Пульхеріи, прося ихъ также позаботиться о церковныхъ дѣлахъ и обуздать ересь.

Рѣшено было созвать Вселенскій соборъ, на которомъ іерархи, собранные съ разныхъ концовъ вселенной, рѣшили бы, православна ли вѣра, проповѣдуемая Несторіемъ. Мѣстомъ собора, бывшаго III Вселенскимъ, былъ избранъ ими городъ Ефесъ, въ которомъ нѣкогда имѣла пребываніе Пресвятая Дѣва Марія съ Апостоломъ Іоанномъ Богословомъ. Св. Кирилль собралъ своихъ соепископовъ въ Египтѣ и вмѣстѣ съ ними на корабляхъ поѣхалъ въ Ефесъ. Изъ Антиохіи сухимъ путемъ поѣхали Іоаннъ, архіепископъ антиохійскій съ восточными епископами. Римскій епископъ Св. Келестинъ не могъ самъ ѣхать и просилъ Св. Кирилла защищать православную вѣру, а кромѣ того еще отъ себя послалъ двухъ епископовъ и пресвитера римской церкви Филиппа, которымъ тоже далъ указанія, что нужно говорить. Въ Ефесъ прибыли также Несторій и епископы Константинопольскаго округа, епископы палестинскіе, малоазійскіе и кипрскіе.

Въ десятыя іюльскія календы по римскому исчис-

ленію, т. е., 22 іюня 431' года, въ Ефесской церкви Дѣвы Маріи собрались епископы во главѣ съ александрійскимъ епископомъ Кирилломъ и Ефесскимъ епископомъ Мемнономъ и заняли мѣста. Въ срединѣ было положено Евангеліе, какъ знакъ невидимаго возглавленія Вселенскаго собора самимъ Христомъ. Сначала прочитали Символь Вѣры, составленный I и II Вселенскими Соборами, затѣмъ доставленную представителемъ царей Ѳеодосіа и Валентина, императоровъ Восточной и Западной частей Имперіи, Царскую грамоту собору.

Выслушавши Царскую грамоту, приступили къ чтенію документовъ и прочитали предшествовавшія собору посланія Кирилла и Келестина Несторію и отвѣты Несторія. Соборъ устами своихъ членовъ призналъ ученіе Несторія нечестивымъ и осудилъ его, признавъ Несторія лишеннымъ каѳедры и священства. Было составлено объ этомъ постановленіе, подписанное около 160 участниками собора, а такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ представляли и другихъ епископовъ, не имѣвшихъ возможности лично прибыть на соборъ, то опредѣленіе собора явилось рѣшеніемъ свыше 200 епископовъ, имѣвшихъ каѳедры въ разныхъ краяхъ тогдашней церкви, причемъ, они свидѣтельствовали, что исповѣдуютъ ту вѣру, которая искони содержалась въ ихъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ, постановленіе собора было голосомъ Вселенской Церкви, съ ясностью выразившей свою вѣру, что Христось, рожденный отъ Дѣвы, есть истинный Богъ вочеловѣчившійся, а поелику Марія родила совершеннаго чловѣка, бывшаго въ то же время совершеннымъ Богомъ, Она справедливо должна почитаться Богородицею.

По окончаніи засѣданія постановленіе его было немедленно сообщено ожидавшему его народу. Весь Ефесь возликовалъ, узнавши, что защищено почитаніе

Святой Дѣвы, особенно чтимой въ этомъ городѣ, жительницей котораго Она была во время земной жизни, и покровительницей послѣ перехода въ вѣчную. Народъ восторженно привѣтствовалъ отцовъ, вечеромъ возвращавшихся къ себѣ послѣ засѣданія, провожалъ ихъ до домовъ съ зажженными факелами и воскурялъ на улицахъ благоуханіе. Всюду слышалось радостное привѣтствіе, прославленіе Приснодѣвы и восхваленіе отцовъ, защитившихъ Ея Имя отъ еретиковъ. Постановленіе собора было развѣшено на улицахъ Ефеса.

Соборъ имѣлъ еще 5 засѣданій: 10 и 11 іюня, 16, 17 и 22 іюля и 31 августа. На нихъ въ 6 правилахъ были изложены мѣры воздѣйствія противъ тѣхъ, кто дерзнетъ распространять ученіе Несторія и отметать постановленія Ефесскаго собора.

По жалобѣ Кипрскихъ епископовъ на притязанія Антіохійскаго епископа соборъ опредѣлилъ, чтобы Кипрская Церковь сохраняла свою независимость въ церковномъ управленіи, которую имѣла отъ апостоловъ, и вообще никто изъ епископовъ не подчинялъ бы себѣ областей, которые были независимы отъ него прежде, “чтобы подъ предлогомъ священства не вкралась гордость земной власти, и чтобы мы не утратили, погубляя мало по малу, той свободы, которую даровалъ намъ Своею кровію Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Освободитель всѣхъ человѣковъ.”

Соборъ также подтвердилъ осужденіе пелагіевой ереси, учившей, что человѣкъ можетъ спастись своими силами, безъ необходимости имѣть Божію благодать, рѣшилъ нѣкоторыя дѣла церковнаго управленія и обратился съ посланіями къ епископамъ, не бывшимъ на соборѣ, возвѣщая свои постановленія и призывая всѣхъ стоять на стражѣ православной вѣры и церковнаго мира. При этомъ соборъ призналъ, что ученіе Православной Вселенской

Церкви достаточно полно и ясно изложено въ Никеоцарградскомъ Символѣ Вѣры, почему и самъ не составилъ новаго Символа Вѣры и воспретилъ впредь “слагать иную вѣру,” т.е. составлять иные символы вѣры или дѣлать измѣненія въ Символѣ, утвержденномъ на Второмъ Вселенскомъ Соборѣ.

Послѣднее было нарушено черезъ нѣсколько вѣковъ западными христіанами, когда сначала въ отдѣльных мѣстностяхъ, а потомъ и во всей римской церкви была сдѣлана въ Символѣ добавка, что Духъ Святый исходитъ “и отъ Сына”, каковую добавку одобряють съ XI вѣка римскіе папы, хотя до этого времени ихъ предшественники, начиная со Св. Келестина, твердо держались рѣшенія Ефесскаго Собора, бывшаго III Вселенскимъ, и исполняли его.

Такъ водворился въ Церкви миръ, нарушенный Несторіемъ. Была защищена истинная Вѣра, и обличено лжеученіе.

Ефесскій Соборъ по справедливости почитается Вселенскимъ, наравнѣ съ предшествовавшими ему Никейскимъ и Царьградскимъ. На немъ присутствовали представители всей Церкви, его рѣшенія были приняты всей Церковію “отъ конецъ до конецъ вселенныя,” на немъ было исповѣдано то ученіе, которое содержалось Церковію отъ временъ апостольскихъ. Соборъ не создалъ новаго ученія, но громогласно засвидѣтельствовалъ истину, которую пытались замѣнить вымысломъ; онъ точно изложилъ исповѣданіе Божества Христа, рожденнаго отъ Дѣвы. Вѣрованіе Церкви и ея сужденіе по затронутому вопросу были теперь такъ ясно выражены, что никто не могъ больше приписывать Церкви своихъ лжеумствованій. Могли подниматься въ дальнѣйшемъ другіе вопросы, требующіе рѣшенія всей Церкви, но не о томъ, былъ ли Іисусъ Христосъ Богомъ.

Послѣдующіе Соборы основывались въ своихъ рѣшеніяхъ на постановленіяхъ, имъ предшествовавшихъ, не составляли новаго Символа Вѣры и лишь разъясняли его. На III Вселенскомъ Соборѣ твердо и ясно исповѣдано ученіе Церкви о Божіей Матери. Прежде Святыми отцами были обличены клеветавшіе на непорочную жизнь Дѣвы Маріи, а теперь объ умаляющихъ Ея честь всѣмъ возвѣщалось: “Кто не исповѣдуетъ Еммануила истиннымъ Богомъ и посему Святую Дѣву Богородицею, такъ какъ Она во плоти родила Слово, сущее отъ Бога Отца, ставшее плотію: да будетъ анаѳема” (отлученъ отъ церкви — I анаѳематство Св. Кирилла Александрійскаго).

V.

Попытки иконоборцевъ уменьшить славу Царицы Небесной и ихъ посрамленіе.

Послѣ III Вселенскаго Собора еще ревностнѣе стали прибѣгать христіане, какъ въ Царьградѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, къ предстательству Божіей Матери, и ихъ надежды на Ея заступленіе не оказывались напрасными. Она являла Свою помощь многочисленнымъ больнымъ, безпомощнымъ и бѣдствующимъ. Она многократно являлась защитницей Царьграда отъ враговъ внѣшнихъ, однажды даже показавъ видимымъ образомъ препод. Андрею юродивому Свой дивный Покровъ надъ народомъ, молившимся ночью во Влахернской церкви.

Царица Небесная давала побѣду Византійскимъ Царямъ во бранѣхъ, почему тѣ имѣли обычай брать съ

собою въ походы Ея икону Одигитріи (Путеводительницы). Она укрѣпляла подвижниковъ и ревнителей хрїстіанской жизни въ ихъ борьбѣ со страстями и слабостями человѣческими. Она просвѣщала и наставляла отцовъ и учителей церкви, въ томъ числѣ и самого св. Кирилла Александрійскаго, когда онъ колебался признать невинность и святость Іоанна Златоустаго.

Пречистая Дѣва вела пѣсни въ уста составителей церковныхъ пѣснопѣній, иногда дѣлая знаменитыми пѣвцами неспособныхъ и не имѣвшихъ пѣснаго дара, но благочестивыхъ тружениковъ, какъ, напримѣръ, св. Романа Сладкопѣвца. Удивительно ли поэтому, что хрістіане старались возвеличить имя Своей всегдашней Заступницы. Въ Ея честь устанавливались праздники, Ей посвящались дивныя пѣсни, Ея изображенія почитались.

Злоба “князя міра сего” вооружила “сыновъ отступленія” еще разъ поднять брань противъ Еммануила и Его Матери въ томъ же Царьградѣ, почитавшемъ теперь, какъ и прежде Ефесъ, Божію Матерь своею Заступницей. Не смѣя сначала открыто говорить противъ Взыбранной Воеводы, хотѣли уменьшить Ея прославленіе тѣмъ, что запретили почитать иконы Христа и Его угодникъ, называя это идолопоклонствомъ. Богородица и здѣсь укрѣпляла ревнителей благочестія въ борьбѣ за почитаніе образовъ, явивъ многія знаменія отъ Своихъ иконъ и исцѣливъ отсѣченную руку писавшаго въ защиту иконъ Іоанна Дамаскина.

Гоненіе почитателей иконъ и святыхъ окончилось опять побѣдою и торжествомъ православія, ибо почтеніе, воздаваемое иконамъ, восходитъ къ изображаемымъ на нихъ; святые же угодники Божіи чтутся, какъ друзья Божіи, ради благодати Божіей, вселившейся въ нихъ, согласно словамъ псалма “мнѣ же зѣло честни быша друзи Твои”. Особенной честью на небѣ и на землѣ прославлена

Пречистая Богоматерь, даже въ дни поруганія святыхъ иконъ явившая черезъ нихъ настолько дивныя чудеса, что и теперь мы съ умиленіемъ вспоминаемъ о нихъ. Пѣснь “О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь” и икона «Троеручица» напоминаютъ объ исцѣленіи Іоанна Дамаскина передъ этой иконой; изображеніе Иверской иконы Божіей Матери — о чудесномъ спасеніи отъ враговъ этой иконы, брошенной въ море вдовицей, не могшей спасти ея.

Никакія гоненія на чтущихъ Богоматерь, и все, что связано съ памятью о Ней, не смогли уменьшить любовь христіанъ къ своей Заступницѣ. Установилось правило, что каждый рядъ богослужебныхъ пѣсней оканчивается пѣсней или стихомъ въ честь Богоматери (такъ наз. богородичнымъ). Многократно въ году христіане въ разныхъ концахъ вселенной собираются, какъ и прежде собирались, въ храмѣ, чтобы восхвалить Ее, поблагодарить за оказанныя благодѣянія и испросить милости.

Но супостатъ христіанъ діаволь, который “яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити” (I Петра V,8), развѣ могъ остаться равнодушнымъ зрителемъ славы Пренепорочной? Развѣ онъ могъ признать себя побѣжденнымъ и перестать вести борьбу съ истиной черезъ людей, творящихъ его волю? И вотъ, когда вся вселенная огласилась благовѣстіемъ Христовой вѣры, когда всюду призывалось имя Пресвятой, земля наполнилась храмами, дома у христіанъ украшались Ея иконами, Ей посвященными, тогда появилось и начало распространяться новое лжеученіе о Богоматери. Это лжеученіе тѣмъ опасно, что многіе не могутъ сразу понять, насколько оно подрываетъ истинное почитаніе Богоматери.

VI.

“РЕВНОСТЬ НЕ ПО РАЗУМУ” (Рим. X, 2).

Извращеніе латинянами въ новоизмышленномъ догматѣ «Непорочнаго зачатія» истиннаго почитанія Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи.

Когда обличены были порицающіе непорочную жизнь пресвятой Дѣвы, отрицающіе Ея Приснодѣвство, отрицающіе Ея достоинство Божіей Матери, гнушающіеся Ея иконъ — тогда, когда слава Богородицы освѣтила всю вселенную, тогда появилось ученіе, какъ будто возвышающее высоко Дѣву Марію, а въ дѣйствительности отвергающее всѣ Ея добродѣтели.

Это ученіе называется ученіемъ о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи, а приняли его послѣдователи римскаго папскаго престола. Оно состоитъ въ томъ, что “Проблагословенная Дѣва Марія въ первомъ мгновеніи Своего зачатія, по особенной благодати Всемогущаго Бога и особому преимуществу, ради будущихъ заслугъ Иисуса Христа, Спасителя рода человѣческаго, была сохранена свободною отъ всякой скверны первородной вины” (Булла папы Пія IX о новомъ догматѣ). Другими словами, Божія Матерь при самомъ зачатіи была сохранена отъ первороднаго грѣха и благодатию же Божіею была поставлена въ невозможность имѣть и личные грѣхи.

Христіане не слышали про это до IX вѣка, когда впервые Корвейскій аббатъ Пасхазій Радбертъ высказалъ мнѣніе, что Святая Дѣва была зачатою безъ первороднаго грѣха. Начиная отъ XII вѣка эта мысль начинаетъ распространяться среди духовенства и паствы западной церкви, уже отпавшей отъ Вселенской церкви, и тѣмъ лишившейся благодати Святаго Духа.

Впрочемъ, и члены римской церкви далеко не всѣ соглашались съ новымъ ученіемъ. Раздѣлились въ мнѣніяхъ даже знаменитѣйшіе богословы запада, такъ сказать, столпы латинской церкви. Фома Аквинатъ и Бернардъ Клервоскій рѣшительно порицали его, въ то время какъ Дунсъ Скоттъ его защищалъ. Отъ учителей раздѣленіе перешло къ ихъ ученикамъ: латинскіе монахи доминиканцы, за своимъ учителемъ Фомою Аквинатомъ, проповѣдывали противъ ученія о непорочномъ зачатіи, а послѣдователи Дунса Скотта — францисканцы старались его всюду насадить. Борьба между этими двумя теченіями продолжалась въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. И на одной и на другой сторонѣ были личности, считавшіяся среди католиковъ величайшими авторитетами.

Не помогало рѣшенію вопроса то, что нѣкоторые сообщали, что имѣютъ о семъ откровеніе свыше. Знаменитая въ XIV вѣкѣ среди католиковъ монахиня Бригитта въ своихъ запискахъ говорила о явленіяхъ ей Богородицы, Которая Сама ей сказала, что Она зачата непорочно, безъ первороднаго грѣха; а еще болѣе знаменитая современная ей подвижница Екатерина Сіенская утверждала, что въ зачатіи св. Дѣва была причастна первородному грѣху, откровенія же она получаетъ отъ самого Христа (Прот. Ал. Лебедевъ. «Разности въ ученіи о Пресвятой Богородицѣ церкви восточной и западной»).

Такимъ образомъ, ни на основаніи богословскихъ сочиненій, ни на основаніи чудесныхъ явленій, взаимно противорѣчащихъ, латинская паства не могла разобраться долгое время, гдѣ же истина. Римскіе папы до Сикста IV (конецъ XV вѣка) оставались въ сторонѣ отъ этихъ споровъ, только сей папа въ 1475 году одобрилъ службу, въ которой ясно выражалось ученіе о непорочномъ зачатіи, а нѣсколько лѣтъ спустя воспретилъ осуждать

тѣхъ, кто вѣруеть въ непорочное зачатіе. Однако, и Сикстъ IV не рѣшился еще утверждать, что таково есть непоколебимое ученіе церкви, почему, запретивъ осуждать тѣхъ, кто вѣруеть въ непорочное зачатіе, онъ не осуждалъ и тѣхъ, кто вѣруеть иначе.

Ученіе о непорочномъ зачатіи тѣмъ временемъ приобрѣтало все больше сторонниковъ среди членовъ римско-папистической церкви. Причиной этому было то, что казалось весьма благочестивымъ и угоднымъ Богоматери воздавать Ей какъ можно больше славы. Стремленіе народа прославить Небесную Заступницу съ одной стороны, а съ другой стороны уклоненіе западныхъ богослововъ въ отвлеченныя разсужденія, приводящія къ лишь кажущейся истинѣ (схоластика), наконецъ, покровительство римскихъ папъ, послѣ Сикста IV — все это привело къ тому, что мнѣніе о непорочномъ зачатіи, высказанное Пасхазіемъ Радбертомъ въ IX вѣкѣ, было уже всеобщимъ вѣрованіемъ латинской церкви въ XIX вѣкѣ. Оставалось лишь окончательно это провозгласить церковнымъ ученіемъ, что и сдѣлалъ римскій папа Пій IX, во время торжественнаго служенія 8 дек. 1854 г. объявившій, что непорочное зачатіе Пресв. Дѣвы есть догматъ римской церкви.

Такимъ образомъ, римская церковь прибавила еще одно отступленіе отъ того ученія, которое исповѣдывала, пока была членомъ Соборной Апостольской Церкви, каковую вѣру нерушимо и безъ перемѣнъ и доселѣ содержитъ Православная Церковь. Провозглашеніе новаго догмата удовлетворило широкіе круги народа, принадлежащаго къ римской церкви, въ простотѣ сердца думавшаго, что провозглашеніе новаго ученія въ церкви послужитъ къ вящей славѣ Богоматери, Которой они этимъ какъ бы дѣлають подарокъ; было удовлетворено и

честолубіе западныхъ богослововъ, защищавшихъ и разработавшихъ его; а больше всего провозглашеніе новаго догмата принесло пользу самому римскому престолу, такъ какъ, провозгласивши новый догматъ своей властью, хотя и выслушавъ мнѣнія епископовъ католической церкви, римскій папа тѣмъ самымъ открыто присвоилъ себѣ право измѣнять ученіе римской церкви и поставилъ свой голосъ выше свидѣтельства Священнаго Писанія и Преданія. Отсюда прямымъ выводомъ было, что римскіе папы непогрѣшимы въ дѣлахъ вѣры, что тотъ же папа Пій IX также провозгласилъ догматомъ католической церкви въ 1870 году.

Такъ измѣнялось ученіе западной церкви, отпавшей отъ общенія съ Истинною Церковью. Она вводитъ у себя новыя и новыя ученія, думая тѣмъ больше прославить Истину, а въ дѣйствительности искажая ее. Въ то время, какъ Православная Церковь смиренно исповѣдуетъ то, что пріяла отъ Христа и Апостоловъ, римская церковь дерзаетъ дополнять это, то изъ “ревности не по разуму” (Римл. X, 2), то уклоняясь въ суесловія и прекословія лжеименнаго разума (I Тим. VI, 20). Иначе и не могло быть; что “врата адовы не одолѣютъ Церкви”, (Мѡ. XVI, 18), обѣщано лишь истинной, вселенской Церкви, а надъ отпавшими отъ нея сбываются слова: “якоже розга не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете”. (Іоанна XV, 4).

Правда, въ самомъ опредѣленіи новаго догмата говорится, что не устанавливается новое ученіе, а лишь провозглашается, какъ церковное, то, которое всегда существовало въ церкви, котораго держались многіе святые отцы, выдержки изъ твореній коихъ приводятся. Однако, всѣ приведенныя изреченія говорятъ лишь о высокой чѣсти Дѣвы Маріи, Ея непорочности, даютъ Ей

многія имена, опредѣляющія Ея чистоту и духовную мощь, но нигдѣ не говорится о непорочности въ зачатіи. Между тѣмъ, тѣ же святые отцы въ другихъ мѣстахъ говорятъ, что лишь Іисусъ Христосъ совершенно чистъ отъ всякаго грѣха, всѣ же люди, какъ рожденные отъ Адама, носили плоть подверженную закону грѣха.

Никто изъ древнихъ святыхъ отцевъ не говоритъ, что Богъ чудеснымъ образомъ еще въ утробѣ очистилъ дѣву Марію, а многіе прямо указываютъ, что дѣва Марія, какъ и всѣ люди, претерпѣла борьбу съ грѣховностью, но явилась побѣдительницей надъ соблазнами и спасена Своимъ Божественнымъ Сыномъ.

Толкователи латинскаго вѣроисповѣданія также говорятъ, что Дѣва Марія спасена Христомъ, но понимаютъ это такъ, что Марія была предохранена отъ скверны первородной вины въ виду будущихъ заслугъ Христовыхъ (Булла о догматѣ непорочнаго зачатія). Дѣва Марія, по ихъ ученію, какъ бы впередъ получила тотъ даръ, который Христосъ принесъ людямъ Своими страданіями и крестной смертью. Больше того. Говоря о мукахъ Богородицы, которыя Она претерпѣла, стоя при крестѣ Своего возлюбленнаго Сына, и вообще о тѣхъ печаляхъ, которыми была исполнена жизнь Богоматери, они считаютъ ихъ дополненіемъ къ страданіямъ Христовымъ, а Марію нашей соискупительницей. По толкованію латинскихъ бгослововъ “Марія сообщна нашему Искупителю, какъ соискупительница” (См. Лебедевъ, тамъ же, стр. 273.) “Въ дѣлѣ искупленія Она нѣкоторымъ образомъ помогала Христу” (Катихизисъ д-ра Ваймара). “Матерь Божія, — пишетъ д-ръ Ленцъ, — не только мужественно перенесла бремя Своего мученичества, но и съ радостью, хотя и съ разбитымъ сердцемъ” («Маріологія д-ра Ленца»). По сей причинѣ Она есть “дополненіе Св. Троицы”, а “какъ Сынъ

Ея есть единственный Посредникъ, избранный Богомъ между Его оскорбленнымъ величіемъ и грѣшниками-людьми, такъ точно главная Посредница, поставленная Имъ между Сыномъ и нами, есть Препоблагословенная Дѣва". "Тремя отношеніями: Дочери, Матери и Супруги Бога, Святая Дѣва возвышена до нѣкотораго равенства съ Отцемъ, до извѣстнаго превосходства надъ Сыномъ, до извѣстной близости къ Свят. Духу" («Непор. зач.», Малу, еп. Бругесъ).

Такимъ образомъ, по ученію представителей латинскаго богословія, Дѣва Марія въ дѣлѣ Искупленія становится рядомъ съ самимъ Христомъ и возвышается почти до равенства съ Богомъ. Дальше идти некуда. Если все это еще не оформлено окончательно, какъ догматъ римской церкви, то римскій папа Пій IX, сдѣлавъ въ отношеніи этого первый шагъ, указаль направленіе для дальнѣйшаго развитія общецерковно признаннаго вѣроученія своей церкви, косвенно подтвердивъ приведенное ученіе о Дѣвѣ Маріи.

Такъ, римская церковь въ своемъ стремленіи возвысить Пресвятую Дѣву идетъ по пути полного обожествленія Ея, и если уже сейчасть ея авторитеты называютъ Матію дополненіемъ Святой Троицы, то скоро можно дожидаться, что Дѣву будутъ почитать, какъ Бога.

На тотъ же путь стала и группа мыслителей, принадлежащихъ пока еще къ Православной Церкви, но строящихъ новую богословскую систему, положивъ въ основу ея философское ученіе о Премудрости Софіи, какъ объ особой силѣ, связующей Божество и твореніе. Также развивая ученіе о достоинствѣ Богоматери, они хотятъ видѣть въ Ней существо, являющееся чѣмъ-то среднимъ между Богомъ и человѣкомъ. По нѣкоторымъ вопросамъ они умѣреннѣе латинскихъ богослововъ, но по другимъ,

пожалуй, уже опередили ихъ. Отрицая ученіе о непорочномъ зачатіи и свободѣ отъ првороднаго грѣха, они, однако же, учатъ о полной свободѣ Ея отъ всякихъ личныхъ грѣховъ, видя въ Ней посредницу между людьми и Богомъ, подобную Христу: въ лицѣ Христа явилось на землѣ Второе Лицо Святой Троицы, Превѣчное Слово, Сынъ Божій, а Духъ Святый является черезъ Дѣву Марію.

По словамъ одного изъ представителей этого теченія, со вселеніемъ Святаго Духа Марія приобрѣла “двуединую жизнь, человѣческую и божескую, т.е., совершенно обожается, почему въ Своемъ вѣпостасномъ бытіи является живымъ тварнымъ откровеніемъ Духа Святаго” (Прот. Сергѣй Булгаковъ, «Неопалимая Купина», изд. 1927 г. стр. 154), “есть совершенное явленіе Третьей Вѣпостаси”, (тамъ же, стр. 175), “тварь, но уже и не тварь” (тамъ же, стр. 191). Это стремленіе къ обоженію Богоматери наблюдается, преимущественно, на западѣ, въ то самое время, какъ тамъ, съ другой стороны, имѣютъ широкій успѣхъ разныя секты протестанскаго характера, вмѣстѣ съ главными вѣтвями протестанства: лютеранствомъ и кальвинизмомъ, вообще отрицающія почитаніе Божіей Матери и Ея молитвенное призываніе.

Но можемъ сказать словами святаго Епифанія Кипрскаго: “одинаковый вредъ въ обѣихъ этихъ ересяхъ, и когда уничижаютъ Дѣву, и когда, напротивъ, прославляютъ Ее сверхъ должнаго”. (Св. Епифаній Кипрскій. «Панаріонъ, противъ Колларидіанъ»). Святой отецъ обличаетъ тѣхъ, которые воздаютъ Ей почти божеское поклоненіе: “Въ чести да будетъ Марія, поклоняемъ же да будетъ Господь”. (Тамъ же). “Хотя Марія есть сосудъ избранный, однако женщина по природѣ ничѣмъ отъ другихъ не отличающаяся. Хотя исторія Маріи и преданіе сообщаетъ, что отцу Ея Іоакиму сказано

было въ пустынѣ: “жена твоя зачала”, однако это совершилось не безъ союза брачнаго и не безъ сѣмени мужа”. (Св. Епіфаній Кипрскій, «Противъ Колларидіанъ»). “Сверхъ должнаго не должно почитать святыхъ, но чтить Владыку ихъ. Марія не Богъ и не съ неба получила тѣло, но отъ совокупленія мужа и жены, и по обѣтованію, какъ Исаакъ, предуготована къ участію въ домостроительствѣ Божіемъ. Но, съ другой стороны, никто да не дерзаетъ и безумно оскорблять Святую Дѣву”. (Св. Епіфаній, «Противъ Антидикомаріонитовъ»).

Православная Церковь, высоко превознося Богородицу въ своихъ хвалебныхъ пѣсняхъ, не дерзаетъ приписывать Ей то, что не сообщено о Ней Священнымъ Писаніемъ или Преданіемъ. “Истина чужда всѣхъ преувеличеній и умаленій: она всему даетъ подобающую мѣру и подобающее мѣсто”. (Еп. Игнатій Брянчаниновъ). Прославляя непорочность Дѣвы Маріи и мужественное перенесеніе скорбей въ Ея земной жизни, отцы церкви отвергаютъ, однакоже, мысль, что Она явилась посредницей между Богомъ и людьми въ смыслѣ совмѣстнаго искупленія Ими человѣческаго рода. Говоря о готовности Ея умереть вмѣстѣ съ Сыномъ Ея и съ Нимъ вмѣстѣ страдать ради общаго спасенія, знаменитый отецъ западной церкви святой Амвросій, епископъ Медиоланскій, добавляетъ: “Но страданіе Христово не нуждалось въ помощи, какъ Самъ Господь предсказалъ о томъ задолго раньше: и воззрѣхъ, и не бѣ помощника, и помыслихъ, и никтоже заступи, и избави я мышца Моя” (Ис. 63, 5; Св. Амвросій: «О воспитаніи Дѣвы и приснодѣвствѣ св. Маріи» гл. 7).

Тотъ же святой отецъ учитъ о всеобщности первороднаго грѣха. изъ чего исключеніемъ является одинъ Христосъ. “Изъ всѣхъ рожденных женами нѣтъ ни

одного совершенно святого, кромѣ Господа Іисуса Христа, Который, по особому новому образу непорочнаго рожденія, не испыталъ земнаго поврежденія”. (Св. Амвросій, *In. Luc. k. 2*). “Одинъ только Богъ безъ грѣха. Обыкновенно, всѣ раждаемые отъ жены и мужа, т.е. плотскаго союза, бываютъ повинны грѣху. Слѣдовательно, кто не имѣетъ грѣха, тотъ не былъ и зачатъ такимъ образомъ”. (Св. Амвросій: «*Ap. Aug. de purcio et concerscio*»). “Одинъ только человѣкъ, Ходатай Бога и человѣковъ, свободенъ отъ узъ грѣховнаго рожденія, потому что Онъ родился отъ Дѣвы и потому, что раждаясь, не испыталъ прираженія грѣха”. (Св. Амвросій, «*Противъ Іуліана*», кн. 2).

Другой знаменитый учитель церкви, особенно почитаемый на западѣ, блаженный Августинъ пишетъ: “Что касается до другихъ людей, исключая Того, Кто есть краеугольный камень, я не вижу для нихъ другого средства содѣлаться храмами Божиими и быть для Бога жилищемъ кромѣ духовнаго возрожденія, которому необходимо предшествуетъ рожденіе плотское. Такимъ образомъ, какъ бы мы ни думали о дѣтяхъ, находящихся въ утробѣ матери, хотя бы слово св. Евангелиста, который говоритъ объ Іоаннѣ Крестителѣ, что онъ взыгрался радостію во чревѣ матернемъ (что произошло не иначе, какъ по дѣйствию св. Духа), или слова Самого Господа, сказанныя Іереміи: “Я освятилъ тебя прежде, чѣмъ ты вышелъ изъ чрева матери” — давали или не давали намъ основаніе думать, что дѣти въ этомъ состояніи способны къ нѣкоторому освященію; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что то освященіе, по которому всѣ мы вмѣстѣ и каждый въ особенности бываемъ храмомъ Божиимъ, возможно только для возрожденныхъ и что возрожденіе предполагаетъ всегда рожденіе. Только тѣ, которые уже родились, могутъ соединиться со Христомъ и быть въ

союзъ съ этимъ Божественнымъ тѣломъ, которое дѣлаетъ Его Церковь живымъ храмомъ величія Божія” (Блаженный Августинъ, «Письмо 187»).

Приведенныя слова древнихъ учителей Церкви свидѣтельствуютъ, что на самомъ Западѣ ученіе, нынѣ тамъ распространяемое, отвергалось и тамъ прежде. Даже послѣ отпаденія западной церкви, признаваемый тамъ великимъ авторитетомъ БЕРНАРДЪ писалъ:

“Ужасаюсь, видя, что нынѣ нѣкоторые изъ васъ возжелали перемѣнить состояніе важныхъ вещей, вводя новое празднество, невѣдомое Церкви, неодобряемое разумомъ, неоправдываемое древнимъ преданіемъ. Уже ли мы болѣе свѣдуши и болѣе благочестивы, нежели отцы наши?.. Вы скажете, должно какъ можно болѣе прославлять Матерь Господа. Это правда; но прославленіе, воздаваемое Царицѣ Небесной, требуетъ различенія. Царственная сія Дѣва не имѣетъ надобности въ ложныхъ прославленіяхъ, обладая истинными вѣнцами славы и знаменіями достоинства. Прославляйте чистоту Ея плоти и святость Ея жизни. Удивляйтесь обилію даровъ сей Дѣвы; поклоняйтесь Ея Божественному Сыну; возносите Ту, которая зачала, не зная похоти, и родила, не зная болѣзни. Что же еще нужно прибавить къ симъ достоинствамъ? Говорятъ, что должно почитать зачатіе, которое предшествовало славному рожденію; ибо если бы не предшествовало зачатіе, то и рожденіе не было бы прославлено. Но что сказать, если бы кто нибудь по той же самой причинѣ потребовалъ такого же чествованія отца и матери св. Маріи. Равно могутъ потребовать того же для Ея дѣдовъ и прадѣдовъ — до безконечности. При томъ же, какимъ образомъ грѣхъ не могъ быть тамъ, гдѣ была похоть. Тѣмъ болѣе пусть не говорятъ, что св. Дѣва зачалась отъ Духа Святаго, а не отъ человѣка; я утверди-

тельно говорю, что Духъ Святый сошелъ на Нее, а не то, что пришелъ съ Нею”.

“Я говорю, что Дѣва Марія не могла быть освящена прежде Своего зачатія, поелику не существовала; если тѣмъ паче не могла быть Она освященною въ минуту Своего зачатія, по причинѣ грѣха съ зачатіемъ нераздѣльнаго, то остается вѣрить, что Она освящена послѣ того, какъ зачалась во утробѣ Своей матери. Это освященіе, если оно уничтожаетъ грѣхъ, дѣлаетъ святымъ Ея рожденіе, но не зачатіе. Никому не дано право быть зачатымъ во святости. Одинъ Господь Христосъ зачатъ отъ Духа Святаго, и Онъ одинъ святъ отъ самаго зачатія своего. Исключая Его, ко всѣмъ потомкамъ Адама относится то, что одинъ изъ нихъ говоритъ о себѣ самомъ, какъ по чувству смиренія, такъ и по сознанію истины: “се бо въ беззаконіяхъ зачатъ есмь” (Пс. 50, 7). Какъ можно требовать, чтобы это зачатіе было свято, когда оно не было дѣломъ Духа Святаго, не говоря уже, что оно происходило отъ похоти? Святая Дѣва отвергнетъ, конечно, ту славу, которая, повидимому, прославляетъ грѣхъ; Она никакъ не оправдаетъ новизны, выдуманной вопреки ученію Церкви, новизны, которая есть мать неблагоразумія, сестра невѣрія и дочь легкомыслія.” (Bernard, Ep. 174. Цитировано, какъ и предыдущее (отъ бл. Августина) изъ Лебедева «Разности въ ученіи Церквей.»). Приведенныя слова ясно обнаруживаютъ какъ новизну, такъ и неле-

пость новаго догмата римской церкви.

Ученіе о полной безгрѣшности Божіей Матери:

1) Не соотвѣтствуетъ Священному Писанію, гдѣ неоднократно говорится о безгрѣшности “Единаго Ходата Бога и человѣковъ, человѣка Іисуса Христа” (1 Тим. II, 5). “и грѣха въ Немъ нѣсть”, “иже грѣха не сотвори, ни

обрѣтесе лествъ во устѣхъ Его”, “искушена по всяческимъ, по подобію, развѣ грѣха”, “не вѣдѣвшаго бо грѣха, но насъ грѣхъ сотвори” (1 Іо. III, 5; 1 Петр. II, 21; Евр. IV, 15; 2 Кор. V, 21), но про остальныхъ людей сказано: “Кто чистъ отъ скверны? Никтоже, аще и единъ день житіе его на землѣ” (Іов. XIV, 4). “Составляетъ же свою любовь къ намъ Богъ, яко еще грѣшникомъ сущимъ намъ Христосъ за ны умре... Аще бо врази бывше примирихомся Богу смертію Сына Его, множае паче примирившеся, спасемся въ животъ Его” (Рим. V, 8-10).

2) Противорѣчить это ученіе и Священному Преданію, содержащемуся во многочисленныхъ святоотеческихъ твореніяхъ, гдѣ говорится о высокой святости Дѣвы Маріи отъ самаго Ея рожденія и объ очищеніи Ея Духомъ Святымъ при зачатіи Ею Христа, но не при собственномъ Ея зачатіи Анною. “Ни единъ есть чистъ предъ Тобою отъ скверны, ниже аще единъ день живота его есть, развѣ Ты точію единъ на землѣ явивыйся безгрешный Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Имже вси уповаемъ милость получитьи и оставленіе грѣховъ”, говоритъ Василиій Великій, (молитва вечерни Пятидесятницы). “Но когда Христосъ пришелъ черезъ чистую, дѣвственную, не познавшую супружества, богобоязненную, нескверную Матерь безъ брака и безъ отца, и поелику Ему надлежало, родиться, очистилъ женское естество, отринувъ горькую Еву и отвергъ плотскіе законы” (св. Григорій Богословъ, «Похвала дѣвству»), добавляетъ св. Григорій Богословъ. Однако, и тогда, какъ говорятъ объ этомъ святые Василиій Великій и Іоаннъ Златоустъ, Она не была поставлена въ невозможность согрѣшить, но продолжала заботиться о Своемъ спасеніи и побѣдила всѣ соблазны. (св. Іоаннъ Злат., Толк. Ев. Ін. бесѣда 85; св. Василий Вел., Ер. CLX)

3) Ученіе о томъ, что Божія Матерь была очищена

прежде рожденія, чтобы отъ Нея могъ родиться Чистый Христось, безсмысленно, такъ какъ если Чистый Христось могъ родиться только, если Дѣва будетъ очищена еще во утробѣ родителей, то для того, чтобы Дѣва родилась чистою, нужно было бы, чтобы и ея родители были чисты отъ первороднаго грѣха, а они опять бы должны были родиться отъ очищенныхъ родителей, и такъ далѣе идя, пришлось бы прійти къ выводу, что Христось не могъ бы воплотиться, если бы предварительно не были очищены отъ первороднаго грѣха всѣ Его предки по плоти до самаго Адама включительно; но тогда бы уже не было нужды въ самомъ воплощеніи Христа, такъ какъ Христось сходилъ на землю, чтобы уничтожить грѣхъ.

4) Ученіе, что Божія Матерь была сохранена отъ первороднаго грѣха, какъ и то, что Она благодатію Божіей была сохранена отъ грѣховъ личныхъ, представляетъ Бога немилостивымъ и неправеднымъ, такъ какъ если Богъ могъ сохранить Марію отъ грѣха и очистить еще до рожденія, то почему же Онъ и другихъ людей не очищаетъ до рожденія, но оставляетъ ихъ во грѣхѣ; выходитъ также, что Богъ спасаетъ людей и помимо ихъ воли, до рожденія еще предопредѣляя нѣкоторыхъ ко спасенію.

5) Это ученіе, повидимому имѣющее цѣлью возвысить Богоматерь, въ дѣйствительности совершенно отрицаетъ всѣ Ея добродѣтели. Вѣдь если Марія еще во чревѣ матери, когда еще не могла и пожелать чего нибудь добраго или злаго, была благодатію Божіею сохранена отъ всякой нечистоты, потомъ той благодатію сохранялась отъ грѣха и послѣ рожденія, то въ чемъ же Ея заслуга? Если Она была поставлена въ невозможность согрѣшить и не согрѣшила, то за что же Ее Богъ прославиль? Если Она

безъ всякаго усилія или не имѣя никакихъ побужденій согрѣшитель осталась чистою, то за что же Она увѣнчана больше всѣхъ? Побѣда безъ непріятеля не бываетъ.

Въ томъ и проявилась праведность и святость Дѣвы Маріи, что Она, будучи “человѣкъ подобострастенъ намъ”, такъ возлюбила Бога и предалась Ему, что чистотою Своею высоко возвысилась надъ остальнымъ человѣческимъ родомъ. За то, предувѣдѣнная и предъизбранная, Она и удостоилась, что Духомъ Святымъ, нашедшимъ на Нее, Она была очищена и зачала отъ Него самого Спасителя міра. Ученіе о благодатной безгрѣшности Дѣвы Маріи отрицаетъ Ея побѣду надъ соблазнами и изъ побѣдительницы, заслуженной быть увѣнчанной вѣнцами славы, дѣлаетъ Ее слѣпымъ орудіемъ Божіаго Промысла.

Не возвышеніе и большую славу, а униженіе Ея представляетъ тотъ “подарокъ”, который поднесъ Ей Папа Пій IX и всѣ остальные, думающіе, что могутъ прославить Божію Матерь отысканіемъ новыхъ истинъ. Пресвятая Марія настолько прославлена Самимъ Богомъ, такъ высока Своей жизнью на землѣ и Своей славой на небѣ, что человѣческіе вымыслы ничего не могутъ прибавить къ Ея чести и славѣ. То, что люди сами измышляютъ, лишь затемняетъ отъ ихъ очей Ея Ликъ. “Братіе, блюдитесь, да никтоже васъ будетъ прельщая философією и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу”, писалъ Духомъ Святымъ Апостолъ Павелъ (Кол. II, 8)

Вотъ такую “тщетную лестію” и является ученіе о непорочномъ зачатіи Анною Дѣвы Маріи, на первый взглядъ возвышающее, а въ самомъ дѣлѣ унижающее Ее. Какъ и всякая ложь, оно является сѣменемъ “отца лжи” (Ин. VIII, 44) діавола, сумѣвшаго имъ прельстити многихъ, не

понимающихъ, что хулять Дѣву Марію. Вмѣстѣ съ нимъ должны быть отвергнуты и всѣ остальные ученія, проистекающія изъ него или сродныя ему. Стремленіе возвысить Пресвятую Дѣву до равенства со Христомъ, придавая Ея материнскимъ мукамъ у креста равное значеніе со страданіями Христа, такъ что страдали одинаково Искупитель и “Соискупительница”, по ученію папистовъ, или “что человѣческое существо Богоматери въ небѣ вмѣстѣ съ Богочеловѣкомъ Иисусомъ вкупѣ являютъ полный образъ человѣка” (Прот. С. Булгаковъ. «Неопалимая купина», стр. 141), по ученію лже-софіанцев (Софія значитъ премудрость), одинаково есть тщетная лестъ и прельщеніе философіей. О Христѣ Иисусѣ “нѣсть мужескій полъ ни женскій” (Гал. III, 28), и Христосъ искупилъ весь человѣческій родъ, почему одинаково въ Его воскресеніе “ликовалъ Адамъ и радовалась Ева” (Воскр. кондаки 1-го и 3-го гласа), а Своимъ вознесеніемъ Господь возвысилъ все естество человѣческое.

Также, что Божія Матерь есть “дополненіе Святой Троицы” или “четвертая ипостась” или “Сынъ и Мать являютъ откровеніе Отца чрезъ Вторую и Третью ипостась”, что Дѣва Марія есть “тварь, но уже и не тварь”, все это есть плодъ лжеумствованія, неудовлетворяющагося тѣмъ, что Церковь содержитъ отъ временъ Апостольскихъ и пытающагося прославить Святую Дѣву больше, чѣмъ Ее прославилъ Богъ.

Сбываются слова св. Епифанія Кипрскаго: “Нѣкоторые безумствующіе въ мнѣніи о самой святой Приснодѣвѣ старались и стараются ставить Ее вмѣсто Бога” (св. Епифаній. «Противъ Антидикомаріонитовъ», ересь 78). Но въ безуміи приносимое Дѣвѣ, вмѣсто восхваленія Ея оказывается хуленіемъ, а Пренепорочная отвергаетъ ложь, будучи Матерію Истины (Ин. XIV, 6).

VII.

Православное Почитаніе Богоматери.

Православная Церковь содержит о Богородицѣ то, что Священное Преданіе и Священное Писаніе сообщили о Ней, и ежедневно прославляетъ Ее въ своихъ храмахъ, прося у Нея помощи и защиты. Зная, что Ей пріятны лишь тѣ восхваленія, которыя соотвѣтствуютъ Ея дѣйствительной славѣ, святые Отцы и пѣснописцы у Нея Самой и у Ея Сына молили вразумить ихъ, какъ воспѣвать Ее: “Огради помышленія моя, Христе мой, ибо чистую Матерь Твою воспѣти дерзаю” (Икосъ Успенія). “Церковь учить, что Христосъ истинно родился отъ Маріи Приснодѣвы” (св. Епифаній Кипр., «Истинное слово о вѣрѣ»). “Необходимо намъ исповѣдывать, что Святая приснодѣвственная Марія дѣйствительно есть Богородица, чтобы не впасть въ злохуленіе. Ибо отрицающіе, что Святая Дѣва дѣйствительно есть Богородица не суть уже вѣрные, но ученики фарисеевъ и садукеевъ” (Преп. Ефремъ Сиринь, «Монаху Іоанну.»).

Изъ преданія извѣстно, что Марія была дочь престарѣлыхъ Іоакима и Анны, причемъ, Іоакимъ происходилъ изъ царственнаго рода Давида, а Анна изъ священническаго рода. Несмотря на такое знатное происхожденіе, они были бѣдны. Однако, не это печалило этихъ праведныхъ людей, а то, что они не имѣли дѣтей и не могли надѣяться, что ихъ потомокъ увидитъ Мессію. И вотъ, когда однажды, презираемые евреями за свое неплодіе, они оба въ горести души возносили Богу молитвы, Іоакимъ на горѣ, гдѣ уединился послѣ того, какъ священникъ не захотѣлъ принести его жертвы въ храмъ, а Анна у себя въ саду, оплакивая свое безплодство, тогда явился имъ Ангелъ и сообщилъ, что они родятъ дочь. Обрадованные, они обѣщали посвятить свое дитя Богу.

Черезъ 9 мѣсяцевъ родилась у нихъ дочь, названная Марією, съ ранняго дѣтства проявившая наилучшія душевныя качества. Когда ей исполнилось три года, родители, исполняя обѣщаніе, торжественно отвели въ іерусалимскій храмъ малую Марію, Которая сама взошла по высокимъ ступенькамъ, а встрѣтившимъ Ее Первосвященникомъ, по откровенію Божію, введена была въ самое Святое Святыхъ, совводя съ Собой почивавшую на Ней благодать Божію въ дотолѣ безблагодатный храмъ. (Кондакъ Введенія. Это былъ вновь построенный храмъ, въ который слава Божія не сходила, какъ въ Скинію или Соломоновъ). Она поселилась въ существовавшихъ при храмѣ помѣщеніяхъ для дѣвъ, но такъ много времени проводила въ молитвѣ во Святомъ Святыхъ, что, можно сказать, жила въ немъ (Стихиры Введенія на “Господи воззвахъ” 2-я и на “славу и нынѣ”). Украшенная всѣми добродѣтелями, Она явила примѣръ необычайно чистой жизни. Всѣмъ покорная и послушная, Она никого не оскорбила, никому не сказала грубаго слова, ко всѣмъ была привѣтлива, даже не допускала скверной мысли. (Сокращенно изъ св. Амвросія Медіол.: «О Приснодѣвствѣ Дѣвы Маріи»).

“Несмотря на праведность и непорочность жизни, которую проводила Богородица, грѣхъ и вѣчная смерть проявляли въ Ней свое присутствіе. Они не могли не проявляться: таково точное и вѣрное ученіе Православной Церкви о Богоматери по отношенію къ первородному грѣху и смерти” (Епископъ Игнатій Брянчаниновъ: «Изложеніе ученія Православной Церкви о Божіей Матери»). “Чуждая грѣховнаго паденія” (св. Амвросій Мед., толк. 118 пс.), Она не была чужда грѣховныхъ искушеній. “Вѣдь одинъ Богъ безъ грѣха” (св. Амвросій Мед., тамъ же.), а человѣкъ всегда будетъ имѣть въ себѣ, что нужно еще исправить и усовершенствовать,

чтобы выполнить Божію заповѣдь: “Святи будите, яко Азь святъ есмь, Господь Богъ Вашъ” (Левить XIX, 2). Чѣмъ чище кто и совершеннѣе, тѣмъ больше онъ замѣчаетъ свои несовершенства и тѣмъ недостойнѣ себя считаетъ.

Дѣва Марія, всю Себя отдавшая Богу, хотя и отражала отъ Себя всякое поползновеніе ко грѣху, сильнѣе другихъ ощущала слабость человѣческой природы и пламенно желала прихода Спасителя. Она въ смиреніи почитала Себя недостойной быть и служанкой имѣющей Его родить Дѣвы. Чтобы ничто не отвлекало Ея отъ молитвы и вниманія къ себѣ, Марія дала Богу обѣтъ безбрачія, дабы всю Свою жизнь угождать лишь Ему. Обрученная старцу Іосифу, когда Ея года не позволяли Ей больше оставаться при храмѣ, Она поселилась въ его домѣ въ Назаретѣ. Здѣсь удостоилась Дѣва прихода Архангела Гавріила, благовѣстившаго Ей о рожденіи отъ Нея Вышняго. “Радуйся, благодатная: Господь съ Тобою. Благословена Ты въ женахъ... Духъ Святый найдетъ на Тя и Сила Вышняго осѣнитъ Тя: тѣмже и раждаемое свято, наречется Сынъ Божій” (Лук. I, 28-35).

Смиренно и покорно приняла Марія ангельское благовѣстіе. “Тогда же Слово, какъ Ему Самому извѣстно, низошло и, какъ Само изволило, подвиглось, вошло въ Марію и вселилось въ Ней” (Преп. Ефремъ Сиринъ. «Похв. п. Божіей Матери»). “Какъ молнія озаряетъ сокровенное, такъ и Христось очищаетъ сокровенное естества. Онъ очистилъ и Дѣву, и потомъ родился, чтобы показать, что, гдѣ Христось, тамъ проявляется чистота во всей силѣ. Очистилъ Дѣву, предуготовавъ Духомъ Святымъ, и потомъ утроба, ставъ чистою, зачинаетъ Его. Очистилъ Дѣву при Ея непорочности, почему и родившись оставилъ Дѣвою. Не говорю, что Марія стала безсмертною, но что, осіяваемая благодатію, Она не возмущалась

грѣховными пожеланіями.” (Преп. Ефремъ Сиринъ. «Слово на еретиковъ», 41). “Вселился въ Нее свѣтъ, омыль Ея умъ, чистыми содѣлалъ Ея помыслы, уцѣломудрилъ попеченія Ея, освятилъ дѣвство Ея.” (Преп. Ефремъ Сиринъ. «Марія и Ева.»). “Чистую по человѣческимъ понятіямъ сдѣлалъ благодатно-чистой.” (Епископъ Игнатій Брянчанновъ. «Изложеніе ученія Православной Церкви о Божіей Матери»).

Марія не сказала никому про явленіе Ангела, но Ангель самъ объявилъ Іосифу о чудесномъ зачатіи Марією отъ Духа Святаго (Мѣ. I, 18-25), а по рожденіи Христовомъ со множествомъ воинства небеснаго благовѣстили пастырямъ. Пастыри, прійдя поклониться Новорожденному, сказали, что слышали о Немъ. Прежде молча претерпѣвшая подозрѣніе, Марія теперь молча слушала и “слагала въ сердцѣ Своемъ” слова о величіи Своего Сына (Лк. II, 8-19). Слышала Она черезъ 40 дней хвалебную молитву Симеона и предсказаніе объ оружіи, которое пройдетъ чрезъ Ея душу. Послѣ видѣла, какъ Іисусъ преуспѣвалъ въ премудрости, слышала Его въ 12 лѣтъ поучающимъ въ храмѣ и все “соблюдала въ сердцѣ Своемъ” (Лк. II, 21-51).

Хотя и благодатная, Она еще не вполне разумѣла, въ чемъ будетъ состоять служеніе и величіе Ея Сына. Еврейскія понятія о Мессіи были Ей еще близки, а естественныя чувства заставляли Ее заботиться о Немъ, охраняя Его отъ чрезмѣрныхъ, какъ могло казаться, трудовъ и опасностей. Поэтому невольно Она вначалѣ становилась на пути Своего Сына, что и вызвало Его указаніе о превосходствѣ родства духовнаго надъ тѣлеснымъ (Мѣ. XII, 46-49). “Имѣлъ Онъ попеченіе и о чести Матери, но гораздо болѣе объ Ея душевномъ спасеніи и о благѣ людей, для чего и плотію облекся”. (Іоаннъ Златоустъ. Толк. Ін., бесѣда XII.). Марія

уразумѣла это и, “слышавши рѣчь Божію, сохранила ее.” (Лк. XI, 27-28). Какъ ни одинъ человѣкъ, Она возымѣла тѣ же чувствованія, что и Христось (Фил. II, 5), безропотно перенеся материнскую скорбь, когда видѣла Своего Сына гонимымъ и страдающимъ. Обрадованная въ день Воскресенія, Она въ день Пятидесятницы облеклась Силою свыше (Лк. XXIV, 49). Сошедшій на Нее Духъ Святой “Ее научилъ всему” (Ин. XIV, 26), и “наставилъ на всяку истину” (Ин. XV, 13). Просвѣщенная, Она еще ревностнѣе стала трудиться творить слышанное Ею отъ Ея Сына и Искупителя, чтобы взойти къ Нему и быть съ Нимъ.

Конецъ земной жизни Пресвятой Богородицы былъ началомъ Ея величія. “Преукрашенная божественною славою” (Ирмосъ канона Успенія), Она стоитъ, будетъ стоять и въ день страшнаго суда и въ будущемъ вѣкѣ, одесную престола Сына Своего, царствуетъ съ Нимъ и имѣетъ дерзновеніе къ Нему, какъ Его Мать по плоти и какъ единоправная по духу, какъ волю Божію сотворившая и другихъ научившая (Мѣ. V, 19). Любвеобильная и милосердная, Она любовь къ Сыну и Богу Своему проявляетъ въ любви къ человѣческому роду, представляетъ за него предъ Милостивымъ и, обходя землю, помогаетъ людямъ.

Испытавшая всѣ тяжести земной жизни, Заступница рода христіанскаго видитъ каждую слезу, слышитъ каждое стenanіе и мольбу, обращенную къ Ней. Особенно Ей близки тѣ, которые трудятся въ борьбѣ со страстями и ревнуютъ о богоугодной жизни. Но и въ житейскихъ попеченіяхъ Она незамѣнимая помощница. “Всѣхъ скорбящихъ радости, и обидимыхъ заступнице, и алчущихъ питательнице, странныхъ утѣшеніе, обуреваемыхъ пристанище, больныхъ посѣщеніе, немощныхъ покровъ и заступнице, жезлъ старости, Мати Бога вышняго, Ты еси,

Пречистая” (Стихира Одигитріи). “Надежда, и предстательство, и прибѣжище христіанъ”, въ “молитвахъ неусыпающая Богородица” (Кондакъ Успенія), “спасающая міръ непрестанною Своею молитвою” (Богородичень III-го гласа), “день и ночь молится о насъ и скиптры Царствія Ея молитвами утверждаются” (Повседневная полунощница).

Нѣтъ ума и словъ выразить величіе Той, Которая родилась въ грѣшномъ человѣческомъ родѣ, а стала Честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая Серафимъ. “Неизреченныхъ Божіихъ и Божественныхъ тайнъ зря въ Дѣвѣ благодать являемую и исполняемую явственно, радуясь и образъ разумѣти недоумѣюся, странный и неизреченный, како избранная чистая едина явился паче всея твари видимыя и разумѣаемыя. Тѣмъ восхвалити хотя Сію, ужасаюся зѣло, умою же и словомъ, обаче дерзая, проповѣдую и величаю: сія есть селеніе небесное” (Икосъ Введенія во храмъ). “Недоумѣть всякъ языкъ благохвалити по достоянію, изумѣваетъ же умъ и премірный пѣти тя, Богородице: обаче благая сущи вѣру пріими, ибо любовь вѣси божественную нашу, Ты бо христіанъ еси предстательница, Тя величаемъ” (Ирмосъ 9 пѣсни Богоявленія.).

*Іеромонахъ Іоаннъ (Максимовичъ),
Инокъ Мильковскія Обители Введенія
во храмъ Пресвятыя Богородицы.*

Югославія, 1928 г

2

Почитаніе Богородицы и Іоанна Крестителя и новое направленіе русской религіозно-философской мысли.*

I

Нѣсколько времени тому назадъ въ Парижѣ вышли книги протоіерея Сергія Булгакова «Неопалимая Купина», а немного позднѣе «Другъ Жениха». “Ихъ общая тема, — говоритъ самъ авторъ, — есть догматическое истолкованіе православнаго почитанія Богоматери и Предтечи въ раздѣльности и совокупности”. «Неопалимая Купина» излагаетъ ученіе о Богородицѣ, «Другъ Жениха» — о Іоаннѣ Предтечѣ.

Заявивъ, что цѣлью первой книги является раскрытіе ученія о безгрѣшности Богоматери, авторъ прямо приступаетъ къ дѣлу. “Имѣетъ ли Пречистая, Пренепорочная какой-либо личный грѣхъ, можно ли помыслить хотя на мгновеніе сію страшную хулу?” вопрошаетъ онъ. И тутъ же признаетъ, что то, что онъ назвалъ “страшной хулой” учили и проповѣдывали многіе отцы Церкви, даже такіе великіе свѣтильники Православія, какъ Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ. Однако это не смущаетъ прот. С. Булгакова и онъ пытается установить “церковную

* Настоящая статья написана въ бытность іеромонахомъ и впервые напечатана въ издававшейся гр. Ю. П. Граббе газете «Голосъ Вѣрнопопданнаго» за 1928 г. въ Югославіи.

точку зрѣнія” отъ которой отступали по его мнѣнію, какъ названные, такъ и нѣкоторые другіе учителя Церкви.

Церковное ученіе покоится на двухъ основаніяхъ — Священномъ Писаніи и Священномъ Преданіи. И Священное Писаніе и Священное Преданіе говорятъ намъ о безгрѣшности Спасителя. “Беззаконія не сотвори, ниже обрѣтесе лествица во устѣхъ Его”, пророчествовалъ еще пророкъ Исаія, и апостоль Петръ повторяетъ его слова, лишь замѣнивъ слово беззаконіе словомъ грѣхъ, такъ какъ “грѣхъ есть беззаконіе” (1 Іоан. III, 4; 1 Петр. II, 22). “И грѣха въ Немъ нѣсть”, — говоритъ Іоаннъ Богословъ (1 Іоан. III, 5). “Не вѣдѣвшій грѣха”, “Искушенъ во всемъ кромѣ грѣха”, учитъ о Христѣ апостоль Павелъ (2 Кор. V, 21; Евр. IV, 15). Безчисленное множество разъ говорится о безгрѣшности Бога, безгрѣшности Богочеловѣка въ Святоотеческихъ твореніяхъ и въ церковныхъ молитвахъ. А гдѣ же свидѣтельство объ отсутствіи грѣховъ у Божіей Матери? Въ Священномъ Писаніи ихъ нѣтъ. Наоборотъ, Священное Писаніе говоритъ, что всѣ люди грѣшны. Священное Писаніе, сообщая нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни Пречистой, называетъ Ее Матерью Господа, благодатною и другими высокими именами, но нигдѣ не называетъ Ее безгрѣшною. Отдѣльныя событія Ея жизни, сообщаемыя въ Евангеліи, нѣкоторые толкователи даже прямо объясняютъ, какъ сомнѣнія и колебанія въ вѣрѣ. Такъ объясняютъ, напримѣръ, святой Іоаннъ Златоустъ и другіе, случай, когда Божія Матерь и братья Его пришли взять Его въ виду слуховъ, что Іисусъ одержимъ бѣсами, т.е. хотѣли помѣшать Ему исполнять Его служеніе (Матѹ. XII, 46-50; Марка III, 21-35; Луки VIII, 19-21). “Матерь Моя и братья Мои суть слушающіе слово Божіе и исполняющіе его”, сказалъ тогда Господь, показавъ этимъ, что духовная связь Его со Своими послѣдователями для Него выше всякихъ родственныхъ связей. Правда, существуетъ и другое объясненіе этого евангель-

скаго событія — какъ искуcительное испытаніе материнскаго сердца, страдающаго за своего Сына. Однако, какое толкованіе ни принять, все же приходится признать, что на основаніи Священнаго Писанія доказать отсутствіе грѣховъ у Богоматери нельзя. Прот. Булгаковъ и не пытается пользоваться этимъ доказательствомъ. Онъ только дѣлаетъ обзоръ жизни Богородицы, насколько она извѣстна изъ Священнаго Писанія и церковныхъ преданій, и говоритъ, что на основаніи этихъ данныхъ, какъ и “по свидѣтельству непосредственнаго чувства” невозможно приписать Богоматери совершеніе личнаго грѣха въ какую бы то ни было пору Ея жизни. Однако, отсутствіе упоминаній о грѣхахъ, еще не доказываетъ, что ихъ не было, не говоря уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ событіяхъ жизни Пресвятой Дѣвы многіе толкователи и отцы Церкви видятъ проявленіе грѣховности у Благодатной, но все же дщери Адама. А “непосредственное чувство”, безъ провѣрки его положительнымъ церковнымъ ученіемъ, часто приводило къ ереси. Проф. Булгаковъ хочетъ установить на основаніи преданія церковное ученіе о безгрѣшности Богородицы. Существованіе преданія свидѣтельствуется постановленіями Вселенскихъ Соборовъ, правилами св. апостолъ и святоотеческими твореніями, богослужебными чинами, церковными пѣснями и молитвами, иконографією. Однако преданіе священнымъ является лишь тогда, когда принималось и принимается всею Вселенскою Церковью. Но въ постановленіяхъ Соборовъ нѣтъ указаній на безгрѣшность Божіей Матери, и прот. Булгаковъ ищетъ свидѣтельствъ святыхъ отцевъ. Многіе святые отцы, какъ указываетъ самъ прот. Булгаковъ, опредѣленно говорили, что и Божія Матерь имѣла личные грѣхи. Онъ хочетъ противопоставить имъ свидѣтельство святыхъ отцевъ, которые, по его мнѣнію, учили о безгрѣшности Божіей Матери, и называетъ цѣлый рядъ

такихъ святыхъ отцовъ. Изъ нихъ первымъ онъ приводитъ св. Епифанія Кипрскаго, у котораго “появляется признаніе Маріи свободною отъ грѣха”. Однако, при внимательномъ прочтеніи св. Епифанія, описавшаго всѣ ереси, бывшія до него и въ его время, ясно видно, что онъ не считаетъ Богородицу не имѣвшей никакихъ грѣховъ, а только опровергаетъ тѣхъ (антидикамаріанитовъ), которые не воздавали Ей должнаго почитанія и хулили Ее; съ одинаковой ревностью онъ вооружается и противъ ереси (колларидіанъ), воздававшей божескія почести Божіей Матери, и говоритъ: “Марія да будетъ въ чести, поклоняемъ же да будетъ Господь”, “одинаковый вредъ въ обѣихъ этихъ ересьяхъ: и когда унижаютъ Святую Дѣву, и когда, напротивъ, прославляютъ Ее сверхъ должнаго”. Также не говоритъ о безгрѣшности Богородицы св. Григорій Богословъ. Выраженіе “Дѣва, въ которой душа и тѣло предочищены Духомъ”, не есть указаніе на безгрѣшность: скорѣе, напротивъ, показываетъ, что было что-то, что нужно было очистить. (Слово на Богоявленіе или Рождество и на Святую Пасху). Въ другомъ мѣстѣ св. Григорій Богословъ прямо говоритъ: “Знаемъ, что не грѣшитъ выше человѣка. и свойственно одному Богу (не стану говорить объ Ангелахъ)”. Выраженіе “предочищены Духомъ” сравнительно слабѣе, если поставить рядомъ хотя бы со словами того же св. Григорія о святой мученицѣ Іустинѣ, которую онъ все же не считалъ безгрѣшной: “это была истинная Христова невѣста, сокровенная красота, одушевленное изваяніе, ничѣмъ не оскверненная святыня, никому недоступное святилище” (Слово о Кипріанѣ). Въ этихъ выраженіяхъ скорѣе можно искать указанія на безгрѣшность, но св. Григорій Великій всегда былъ далекъ отъ такой мысли, прямо опровергающей его словами нѣсколько выше приведенными, и ясно говорилъ о грѣховности всего рода человѣческаго.

Первый, по мнѣнію прот. Булгакова, заговорилъ о безгрѣшности Маріи преп. Ефремъ Сиринъ. Однако, въ приводимой въ доказательство этого выдержкѣ изъ его творений, ничего не говорится о безгрѣшности Дѣвы Маріи. “Ты, Господи, и Матерь Твоя, Вы единственные совершенно святые во всякомъ отношеніи, ибо въ Тебѣ, Господи, нѣтъ пятна и у Матери Твоей нѣтъ порока”. Святость и отсутствіе порока еще не означаютъ, какъ дальше будетъ показано, отсутствія грѣховъ. Также не говорится о безгрѣшности тамъ, гдѣ сравниваются Марія и Ева. Хотя Марія и стоитъ неизмѣримо выше Евы, которая ввела смерть въ человѣчество, тогда какъ Марія родила жизнь, но преп. Ефремъ, называя Ея невинной, непорочной, все же не называетъ Ея безгрѣшной. Онъ даже прямо тамъ говоритъ, что Марія нуждалась въ очищеніи. “Вселися въ Нее Свѣтъ, омыль Ея умъ, чистыми сдѣлалъ Ея помыслы, уцѣломудрилъ попеченіе Ея, освятилъ дѣвство Ея” («Марія и Ева», «Похв. пѣснь Б. М.»). Еще опредѣленнѣе выразилъ эту мысль преп. Ефремъ въ другомъ мѣстѣ («Слово на еретик. о рожденіи Господа»). “Онъ очистилъ и Дѣву и потомъ родился, дабы показать, что, гдѣ Христось, тамъ проявляется чистота во всей силѣ. Очистилъ Дѣву, предуготовавъ Духомъ Святымъ, и потомъ утроба, ставъ чистою, зачинаетъ Его. *Очистилъ Дѣву при Ея непорочности; почему и родившись оставилъ дѣвой*”. Такимъ образомъ преп. Ефремъ считалъ, что при всей непорочности Дѣвы, у Нея было нѣчто, что нужно было очистить. У безгрѣшнаго нечего очищать. Но, можетъ быть, Дѣва была безгрѣшною послѣ воплощенія Слова? И этого нельзя найти у преп. Ефрема. Онъ говоритъ только, что “осіяваемая благодатію, Она не возмущалась грѣховными пожеланіями” (тамъ же). Но грѣхи бываютъ не только вольные — есть и невольные. Мы часто грѣшимъ и противъ нашего желанія, по

слабости немощной природы. Таковы грѣхи сомнѣнія, маловѣрія и подобные. Ихъ не отрицаетъ нигдѣ преп. Ефремъ и обращаясь къ Богу лишь Ему говорить: “Ты безгрѣшенъ” (тамъ же).

Такъ же неудачны ссылки прот. Булгакова на св. Амвросія Медиоланскаго. Выдержка изъ его толкованія на 118 псаломъ — неправильный переводъ. Въ латинскомъ текстѣ (Migne) стоитъ: “*Virgo per gratiam ab omni integra labe peccati*”, т.е. “Дѣва благодатию свободна” не “отъ всякаго грѣха”, какъ это приведено у прот. Булгакова, а “отъ всякаго грѣховнаго паденія” или “отъ грѣховнаго пятна”. Что Пречистая Дѣва была чужда грѣховныхъ паденій и безнравственныхъ поступковъ — составляетъ всеобщее православное вѣрованіе, но этимъ не утверждается совершенная безгрѣшность Ея. Здѣсь говорится только о цѣломудріи и неповрежденномъ дѣвствѣ Ея “*ut incorrupte sit virgo*”, а не о томъ, что Она совсѣмъ не имѣла никакихъ грѣховъ. “*Solus enim Deus sine peccato est*” — говоритъ св. Амвросій какъ разъ передъ этимъ, не называя Богородицы безгрѣшной ни здѣсь, ни въ другомъ мѣстѣ, гдѣ перечисляетъ добродѣтели Ея, на которое также ссылается авторъ.

Разобранными ссылками, больше опровергающими, чѣмъ доказывающими утвержденіе протоіерея Булгакова, ограничиваются почти всѣ “доказательства” изъ святоотеческихъ твореній. Лишь “приближаются сюда”, по его словамъ, Іеронимъ, Гауденцій и блаж. Августинъ. Впрочемъ, онъ хочетъ видѣть ученіе о безгрѣшности Божіей Матери и у Іоанна Дамаскина на основаніи одной цитаты изъ его «Точнаго изложенія православной вѣры», а такъ-какъ эта цитата приведена у Игнатія Брянчанинова въ «Изложеніи ученія Православной Церкви о Божіей Матери», онъ склоненъ причислить къ раздѣляющимъ это ученіе также и этого знаменитаго духовнаго писателя.

Однако, ни у Златоструннаго Іоанна, ни у епископа Ігнатія нѣтъ ученія о безгрѣшности Божіей Матери. Слова Іоанна Дамаскина “низошелъ Духъ Святый на чистую Дѣву и еще Ее очистилъ” показываютъ нужду въ очищеніи. “Чуждая всякой скверны” еще не означаетъ “безгрѣшная”. “Духоносными, божественными” называется не одна Богородица. У Ігнатія же Брянчанинова этими выраженіями называются и другіе подвижники; выраженіе это соотвѣтствуетъ выраженію “богоносный”, каковое мы постоянно слышимъ въ церкви при упоминаніи преподобныхъ; да и въ богослуженіи “божественный” неоднократно употребляется (напр. въ кондакъ первомуч. Стефана: “первомученикъ и божественный Стефанъ”). Прот. Булгаковъ не скрываетъ, что епископъ Ігнатій, приведя цитату, дальше говоритъ, что ветхій человѣкъ и грѣхъ не могли не проявляться въ Божіей Матери. Но онъ видитъ здѣсь лишь “неточныя и неудачныя выраженія” епископа Ігнатія, трудно согласуемыя съ вышеприведенными словами и относящіеся только къ первородному грѣху, а отнюдь не къ личнымъ, “которые и онъ, повидимому, исключаетъ”. Между тѣмъ, епископъ Ігнатій Брянчаниновъ не только “выразился”, но и подробно обосновалъ, почему и Богоматерь имѣла грѣхи, при этомъ не только грѣхъ первородный, но и грѣхи личные. “Несмотря на праведность и непорочность жизни, которую *оправдала* Богородица... грѣхъ и вѣчная смерть проявляли въ ней свое присутствіе и владычество”. Онъ ссылается на Іоанна Златоуста и Θεофилакта Болгарскаго, въ подтвержденіе того, что первородный грѣхъ проявлялся въ совершеніи личныхъ грѣховъ и говоритъ: “Истина чужда всѣхъ преувеличеній и умаленій: она всему даетъ подобающую мѣру и подобающее мѣсто”. Онъ признаетъ Богоматерь чуждою лишь помысловъ и ощущеній сладострастныхъ и плотскихъ пожеланій, невку-

сившею борьбы съ ними, а не вообще съ грѣхомъ.

Такимъ образомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что вопросъ, поставленный прот. Булгаковымъ въ началѣ своей книги, въ святоотеческихъ писаніяхъ получаетъ отвѣтъ прямо противоположный тому, который даетъ самъ авторъ. Не только тѣ святые отцы, которые это такъ ясно выразили, что онъ самъ долженъ былъ ихъ поставить въ числѣ “изрекающихъ страшную хулу”, но и тѣ святые отцы, у которыхъ онъ ищетъ подтвержденія своего ученія, или опредѣленно учать какъ разъ обратному, или, не затрагивая вопроса во всемъ объемѣ, лишь говорить о святости и цѣломудріи Дѣвы Маріи. Они были далеки отъ того, чтобы, опасаясь изречь хулу, считать Богородицу не имѣвшей грѣховъ или же замалчивать ихъ. “Весьма неблагогородно и низко думать, говорить св. Григорій Богословъ въ похвальномъ словѣ священномученику Кипріану, что оскорбительно будетъ для подвижника напоминать о непохвальныхъ дѣлахъ его”. Зная, что человѣкъ не можетъ не грѣшить, они достоинство подвига полагали въ совлеченіи съ себя ветхаго человѣка и въ степени святости, достигнутой борьбой съ наклонностью ко грѣху, и побѣдой надъ нимъ при помощи благодати Божіей. Этотъ взглядъ проводили какъ всѣ древніе святые отцы, такъ и позднѣйшіе церковные писатели-подвижники, и у нихъ нельзя найти ученія, что Божія Матерь какимъ-то образомъ оказалась свободной отъ грѣха или побѣдительницей его безъ борьбы. Это есть новое ученіе, не имѣющее корней въ святоотеческихъ твореніяхъ и православномъ богословіи.

Прот. Булгаковъ говоритъ, что о безгрѣшности Маріи твердо и ясно учить Св. Православная Церковь въ своихъ безчисленныхъ богослуженіяхъ, посвященныхъ Богоматери. Въ доказательство онъ приводитъ около 50 отрывковъ изъ пѣснопѣній въ честь Нея. Однако, ни въ

одномъ изъ нихъ Она не называется ни безгрѣшной, ни какимъ другимъ равносильнымъ выраженіемъ. Въ нихъ она называется святой; но хотя въ полномъ смыслѣ лишь “единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ”, относительно святыми могутъ быть и называются всѣ угодники Божіи. Въ ихъ сонмѣ такое количество покаявшихся бывшихъ величайшихъ грѣшниковъ, что нѣтъ нужды доказывать, что слово “святой” не означаетъ “безгрѣшный”. Богородица называется непорочной. Порокъ — это закоснѣніе въ грѣхахъ, преданность грѣху, грѣховная привычка. Человѣкъ называется непорочнымъ, если проводитъ богоугодную жизнь, не будучи порабощенъ никакой страстью. “Ходи передо Мною и буди непороченъ” сказалъ Богъ Аврааму (Бытіе XVII, 1). Непорочнымъ называется въ священномъ писаніи Іовъ, и самъ онъ себя таковымъ считаетъ (Іовъ I, 1, 8; II, 3; IX, 21). Про праведныхъ Захарію и Елисавету говорится, что они “ходили во всѣхъ заповѣдяхъ и оправданіяхъ Господнихъ безпорочно” (Лк. I, 6). Многократно употребляя слово “непорочный” въ псалмахъ, Давидъ подразумѣваетъ подъ этимъ исполнителя Божія закона. “Блаженны непорочные въ пути, ходящіе въ законѣ Господнемъ” (Пс. 118, 5) Выраженіе это примѣняется и къ нѣкоторымъ угодникамъ въ церковныхъ службахъ (Напримѣр 6 дек. пѣснь VI, 12 дек. пѣснь VII. Каноны муч. Іуліаніи и Евгеніи). Но никто изъ ветхо- или новозавѣтныхъ праведниковъ все же не считается безгрѣшнымъ, и въ жизнеописаніяхъ тѣхъ, кто называется непорочнымъ, не скрываются ихъ грѣхи и искушенія. Такимъ образомъ, называя Богородицу Непорочной и даже Всенепорочною, Пренепорочною, Церковь указываетъ на Ея преданность закону Господнему и отсутствіе въ Ней какого-либо порока, а отнюдь не на отсутствіе у Нея грѣховъ. Также нельзя видѣть указанія на безгрѣшность Богородицы въ словахъ “Нескверная” (“Ус-

трашися отроковъ благочестивыхъ сообразно души и несквернаго тѣла" говорится и о 3-хъ отрокахъ — ирмосъ 8 пѣсни Великаго Понедѣльника), "Чистая", "Нетлѣнная", "Неблзная", такъ какъ здѣсь говорится лишь о Ея высокой нравственности, а не объ отсутствіи какого-нибудь грѣха. Выраженіе "тѣло теченія грѣховнаго не-пріятно" говорить о цѣломудріи и нерастлѣнномъ дѣвствѣ Маріи. Остальныя выраженія, приведенныя протоіереемъ Булгаковымъ изъ церковныхъ пѣсень, еще меньше имѣютъ отношенія къ вопросу о безгрѣшности. "Освященная" (Іер. I, 5), "Пронареченная", "Благодатная", "Благословенная", "Жилище Божіе", "Преславная" все это суть высокія наименованія Божіей Матери, но все же на данный вопросъ отвѣта не дающія. Совсѣмъ уже непонятно для чего приведены разныя образныя выраженія какъ "Новое небо", "Книга, запечатанная духомъ божественнымъ", "Лѣствица Божественная", "Престоль великій" и тому подобныя, которыя, наглядно изображая великое достоинство Божіей Матери, все же совершенно не касаются затронутаго вопроса, не говоря уже о томъ, что выраженія, которыя нужно понимать въ переносномъ смыслѣ, нельзя противопоставлять тѣмъ, въ которыхъ ясно и опредѣленно выражено церковное ученіе. Своими "доказательствами", взятыми изъ богослуженій, прот. Булгаковъоказываетъ лишь то, что онъ не смогъ найти ничего, подтверждающаго его взглядъ въ православномъ богослуженіи и молитвахъ, въ которыхъ только Богу говорится: "нѣсть чловѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ: Ты бо единъ еси кромѣ грѣха", (молитва послѣ заупокойной ектеніи), "Ты еси единъ безгрѣшенъ", (молитва изъ чина исповѣданія и много другихъ молитвъ). Ученіе о безгрѣшности Богоматери ученію православному не только чуждо, но и противно. Имѣя много свидѣтельствъ противъ себя, оно не имѣетъ никакихъ за себя. Поэтому

для доказательства его православія, протоіерей Булгаковъ долженъ былъ прибѣгнуть къ выборкѣ отрывочныхъ выраженій или ничего не доказывающихъ, или дающихъ представленіе, что здѣсь дѣйствительно подтверждается его ученіе, если только не прочесть цѣликомъ творенія изъ котораго это выраженіе взято. Примѣръ со ссылкой на епископа Игнатія Брянчанинова здѣсь особенно ярокъ.

Однако, несмотря на всю шаткость положеннаго основанія, прот. Булгаковъ продолжаетъ и дальше развивать кажущуюся ему правильной теорію. Онъ уходитъ далеко впередъ отъ намѣченной въ началѣ книги цѣли. Но прежде всего онъ ограждаетъ свое ученіе отъ подозрѣнія, что это лишь уклоненіе въ сторону римскаго догмата о непорочномъ зачатіи. Онъ утверждаетъ, что можно, не имѣя личныхъ грѣховъ, имѣть въ то же время грѣхъ первородный, можно не только тѣмъ младенцамъ, которые еще не имѣютъ возможности разсуждать, но и тѣмъ святымъ, которые благодатію Божіею осуществили личную безгрѣшность. Онъ говоритъ, что къ таковой личной безгрѣшности уже приближается Іоаннъ Предтеча, и обладаетъ ею Пресвятая Дѣва Марія («Неопал. Купина» стр. 69). Довольно подробно останавливается на догматѣ о непорочномъ зачатіи и затрагиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ другихъ религіозно-философскихъ вопросовъ.

Показавъ нелѣпость ученія объ изъятіи Богородицы отъ первороднаго грѣха, прот. Булгаковъ, однако, считаетъ, что Она все же была освобождена отъ одного изъ его послѣдствій — личной грѣховности. Послѣдствіемъ первороднаго грѣха была еще и смерть. Для Божіей Матери смерть явилась переходомъ въ Царство Славы Ея Сына и воспріятіемъ вѣнца за земную праведную жизнь. Говоря о прославленіи Божіей Матери, прот. Булгаковъ проводитъ параллель между Іисусомъ Христомъ и Дѣвой

Маріей. Подобно тому, какъ второе Лицо Святой Троицы — Сынъ Божій, называется въ Священномъ Писаніи, святоотеческихъ твореніяхъ и молитвахъ — Премудростію Божіей (I Кор. II, 24, 30), онъ называетъ и Богородицу Премудростію (по-гречески, Софія) и говоритъ, что есть два образа Премудрости (Софіи) и два человѣческихъ образа въ небесахъ: Богочеловѣка и Богоматери. “Образъ Божій раскрывается и осуществляется въ небесахъ, какъ образъ двухъ: Христа и Матери Его”. Основываясь на томъ, что Богъ сотворилъ Адама и Еву, авторъ считаетъ, что только человѣческое существо Богоматери въ небѣ вмѣстѣ съ Богочеловѣкомъ Иисусомъ вкупѣ являютъ полный образъ человѣка. “Полнота Божескаго образа въ человѣкѣ или наоборотъ, человѣческаго образа въ Богѣ, выражается черезъ двухъ: черезъ новаго Адама и черезъ новую Еву”. Такимъ образомъ, по прот. Булгакову, выходитъ, что Божія Мать становится какъ бы рядомъ со Своимъ Сыномъ въ дѣлѣ искупленія человѣческаго рода. Хотя авторъ и предупреждаетъ, что онъ не раздѣляетъ мысль, что Богоматьеръ принимаетъ участіе въ искупленіи наряду и наравнѣ съ Сыномъ, однако, дѣло искупленія всего человѣческаго рода, по его ученію, было бы неполно и недокончено, еслибы кромѣ Богочеловѣка Иисуса не было и женскаго начала въ лицѣ Дѣвы Маріи. Онъ забываетъ при этомъ, что завершеніе дѣла искупленія связывается Церковью не съ Успеніемъ, то есть переходомъ на небо Богородицы, а съ Вознесеніемъ Богочеловѣка, и что тогда поется: “Еже о насъ исполнивъ смотрѣніе и яже на земли соединивъ небеснымъ, вознеслся еси во славѣ, Христе Боже нашъ” (Кондакъ Вознесенія). Церковь, прославляя скорби Божіей Матери, никогда все же не считала ихъ необходимымъ дополненіемъ къ страданіямъ Богочеловѣка, какъ бы для искупленія грѣха Евы, въ то время, какъ Господь страдалъ за грѣхъ Адама. Такое ученіе

является попыткой вездѣ провести параллельно мужское и женское начало, что чуждо ученію церковному, видящему во Христѣ Единого Спасителя и Избавителя всего человѣческаго рода, поправшаго смерть и адъ, почему при воскресеніи Христовомъ одинаково ликоваль Адамъ и радовалась избавляемая отъ узъ Ева (Кондакъ воскр. I гласа).

Въ стремленіи провести параллель между Христомъ и Дѣвой Маріей, прот. Булгаковъ, не удовлетворяясь уже сказаннымъ, идетъ еще дальше и находитъ, что подобно тому, какъ Второе Лицо Св. Троицы, Сынъ Божій, явился міру въ лицѣ Богочеловѣка Иисуса Христа, такъ и Святыи Духъ является черезъ Дѣву Марію. Разница здѣсь та, что Сынъ Божій воплотился, вочеловѣчился, а Духъ Святыи не воплотился, а вселившись въ Дѣву, обожилъ Ее такъ, что Она, оставаясь человѣкомъ и тварью, стала въ то же время носительницей и пріятилищемъ Святаго Духа. Употребляя многія православныя выраженія, авторъ вкладываетъ въ нихъ совсѣмъ другой смыслъ. Божія Матерь, какъ говоритъ прот. Булгаковъ, оставаясь человѣкомъ, со вселеніемъ въ Нее Святаго Духа, пріобрѣла “двуединую жизнь”, человѣческую и божескую, т.е. совершенно обожается, почему въ своемъ впостасномъ бытіи является живымъ тварнымъ откровеніемъ Духа Святаго” (стр. 154). Существо Ея “изъ человѣческаго стало Богоматернимъ. Ибо Богоматерное существо не есть уже человѣческое существо, хотя и нераздѣльно связано съ нимъ” (стр. 174 и дальше). “Она приняла Духа Святаго и сдѣлалась съ Нимъ нераздѣльна”. “Марія есть поэтому совершенное явленіе Третьей Упостаси; въ твореніи Ея человѣческой ликъ отображаетъ впостась Духа Св., ибо для него прозраченъ”. Такимъ выраженіемъ прот. Булгаковъ опредѣляетъ то, что подразумѣваетъ подъ “вселеніемъ въ Марію Святаго

Духа” и затѣмъ прямо заявляетъ, что именно черезъ Марію Духъ Святой дѣйствуетъ въ мірѣ. При этомъ онъ различаетъ откровеніе Отца, откровеніе Сына и откровеніе Святаго Духа. Сынъ открывается во Христѣ Иисусѣ, а Духъ Святой черезъ Марію. Система получается очень стройная, но не православная. “Впостасное откровеніе Св. Духа совершилось, совершается, и въ полнотѣ совершится въ будущемъ вѣкѣ, въ царствѣ Духа Св. черезъ Марію” — говоритъ авторъ. Присутствіе Богородицы при Пятидесятницѣ онъ объясняетъ, какъ предстояние Ея и возглавленіе Церкви и человѣческаго рода, какъ соединеніе Ею неба и земли. По нему выходитъ, что Духъ Св. не можетъ являться въ мірѣ безъ посредства Дѣвы Маріи.

Откуда взялъ свое ученіе прот. Булгаковъ? Въ этой части своего ученія онъ не ссылается ни на какія святоотеческія творенія или молитвы церковныя. Онъ здѣсь философствуетъ, разсуждаетъ, но отнюдь не излагаетъ и не отыскиваетъ ученія церковнаго. Православное ученіе, основанное на Божіемъ откровеніи, не дѣлитъ это откровеніе на “откровеніе Отца” “откровеніе Сына” и “откровеніе Духа Св.”. Дѣйствія Пресвятой Троицы нераздѣльны (Еп. Ѳеофанъ затворникъ. Толков. послан. Ефес.). Ни видѣніе, ни пророчество не бываютъ отъ Отца, или Сына, или Святаго Духа отдѣльно. (Василій Великій. Противъ Евномія V). Явленіе или откровеніе одного лица Святой Троицы есть откровеніе и явленіе всей Троицы: “Видѣвый Мене видѣ Отца: и како ты глаголеши: покажи намъ Отца; не вѣруеши ли яко Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ есть. Глаголы, яже Азъ глаголю вамъ, о Себѣ не глаголю: Отецъ же во Мнѣ пребывая, Той творитъ дѣла” (Іоан. XIV, 9-11). Хотя и бывало, что Богоявленіе выражалось въ явленіи всѣхъ трехъ Лицъ Святой Троицы, какъ напри-мѣръ, при Крещеніи и Преображеніи, но это было для того, чтобы яснѣе показать Троичность Божества, да

“явится поклоненіе Святой Троицы”, а не потому, что явленіе одного изъ Лиць было неполнымъ Божиимъ откровеніемъ. (См. тропарь Богоявленія, также молитва освященія Троичной иконы). Само Священное Писаніе одно и то же явленіе Божества въ разныхъ мѣстахъ безразлично называетъ и явленіемъ Отца, и явленіемъ Сына, и явленіемъ Святаго Духа. (Напр. сравн. Исаія VI, 9; Іоанна XII, 36-41; Дѣянія XXVIII, 25-27). На это еще указывали св. Василій Великій и другіе св. отцы. Такимъ образомъ, утвержденіе, что существуютъ особыя откровенія Отца, Сына, и Святаго Духа, есть уклоненіе отъ Православія.

Но еще больше недоумѣнія вызываетъ ученіе о Богородицѣ, какъ носительницѣ Святаго Духа, черезъ которую Духъ Святой открывается міру. Откуда взято это ученіе? Не изъ Священнаго Писанія и не изъ Священнаго Преданія. Упомянутіе въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ о присутствїи Дѣвы Марїи при сошествїи Св. Духа въ Пятидесятницу не можетъ служить ни основаніемъ, ни подтвержденіемъ этого ученія, такъ какъ тамъ перечисляются по именамъ или признакамъ и другіе присутствующіе, и вмѣстѣ съ Матеріею Господней упомянуты и Его братья. Къ тому же это упомянутіе сдѣлано не тамъ, гдѣ говорится о сошествїи Святаго Духа, а тамъ гдѣ говорится вообще о томъ, изъ кого состояли первоначальныя собранія вѣрующихъ. О днѣ же Пятидесятницы лишь кратко сказано, что всѣ Апостолы были единодушно вмѣстѣ, а о Дѣвѣ Марїи даже отдѣльно и не упомянуто. На самомъ дѣлѣ Богородица была вмѣстѣ съ апостолами потому, что и сама нуждалась въ прїятїи Святаго Духа, какъ и остальные вѣрующіе, а не потому, что безъ Нея не могъ снизойти Святой Духъ. Если Богоматерь является исключительнымъ органомъ откровенія Св. Духа, то какъ же безъ посредства Нея Духъ Святой “глаголалъ про-

роки"? Какъ же Онъ, въ видѣ голубя, сходилъ на Иисуса при крещеніи, хотя и неизвѣстно о присутствіи тамъ Дѣвы Маріи? Какъ Духъ Святый сошелъ не только въ день Пятидесятницы, когда среди единомышленно пребывающихъ въ молитвѣ находилась и Марія, но и позднѣе сходилъ на евнуха царицы Египетской, на Корнелія и бывшихъ съ нимъ, на учениковъ Іоанновыхъ и въ другихъ случаяхъ, хотя извѣстно, что Она тамъ не присутствовала? Или можетъ быть только съ Успенія Богородицы Духъ Святый можетъ открываться только черезъ Нее, а до тѣхъ поръ Онъ могъ дѣйствовать и безъ Нея?

Прот. Булгаковъ хотѣлъ изобразить Дѣву Марію какъ звено, связующее Божество и человѣчество. Находя недостаточнымъ, что "единъ Богъ и единъ Ходатай (посредникъ) Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Иисусъ, давый Себе избавленіе за всѣхъ", онъ хочетъ найти еще и посредницу, соединяющую женскія начала въ Божествѣ и въ человѣчествѣ. Нечего и говорить, что въ этихъ поискахъ онъ уже и не пытается обосновать свое ученіе на святыхъ отцахъ и церковныхъ молитвахъ, оставивъ даже тѣ попытки, которыя дѣлалъ, когда излагалъ ученіе о безгрѣшности Божіей Матери. Вѣдь вспоминать здѣсь о свв. отцахъ можно лишь для того, чтобы сказать, что излагаемое ученіе чуждо имъ. На основаніи собственныхъ разсужденій и умозаключеній строится здѣсь новое ученіе. *Нравнѣ съ "Господомъ съ Небесе" (I Кор. XVI, 47), ставится и человѣкъ, хотя и очищенный Богомъ, но все же человѣкъ отъ земли.* По этому ученію, еще до искупительной жертвы Богочеловѣка, человѣкъ этотъ, по Божіей волѣ, получаетъ способность не грѣшить, т.е. грѣхъ въ немъ не проявляется. Однако корень зла — первородный грѣхъ — въ немъ пребываетъ, и, такимъ образомъ, Марія остается принадлежащей къ грѣшному человѣческому роду. Страданіе Богочеловѣка спасаетъ и

соединяетъ съ Божествомъ, по преимуществу, мужскую половину человѣческаго рода; для спасенія женской его части необходимы страданія и этого другого человѣка — Дѣвы. Становится невозможнымъ и общеніе Святаго Духа съ человѣчествомъ иначе какъ черезъ эту Дѣву. Въ отличіе отъ Іисуса Христа, въ одномъ Лицѣ соединившаго нераздѣльно и несліянно Божество и человѣчество, Дѣва Марія, оставаясь только человѣкомъ, “имѣетъ единеніе со Святымъ Духомъ въ степени, превышающей всякую мѣру”, и дѣлается посредницей между Нимъ и человѣчествомъ. Выходитъ, что Она какъ бы становится между Духомъ Святымъ и людьми, не допуская ихъ непосредственнаго общенія, хотя Іисусъ Христосъ общалъ послать Духа Утѣшителя, Который непосредственно будетъ пребывать съ вѣрующими и наставлять ихъ на всякую истину (Іоанна XIV, 16-17 и XVI, 13). Если бы Духъ Святой не могъ никогда открываться людямъ, пока пріятилищемъ Его не сдѣлалась Дѣва Марія, то дѣйствительно Она, а не Христосъ была бы соединительницей Божества и человѣчества. Но создавать необходимаго посредника тамъ, гдѣ онъ не требуется, значить не соединять, а разъединять.

Съ одной стороны, приближая человѣка къ Богу и даже до нѣкоторой степени уравнивая ихъ, прот. Булгаковъ, съ другой стороны, раздѣляетъ дѣйствія Святыя Троицы, умаляетъ значеніе Боговоплощенія и ставитъ перегородку между Духомъ Святымъ и людьми. Сколько ни говорить, что не стѣной, а дверью между Богомъ и человѣкомъ становится Богородица, но въ изложеніи прот. Булгакова получается какъ разъ обратное. Такъ увѣнчивается попытка прот. Булгакова “дать ученіе о Богоматери”.

Развѣ такъ учить Православная Церковь? Она учить, что Пресвятая Дѣва Марія всѣмъ существомъ съ

малолѣтства отдалась Богу, и пламенною любовью привязалась къ Нему. Принадлежа къ грѣховному роду человѣческому, Она, неустаннымъ вниманіемъ къ Себѣ, очищала Свою душу отъ всякой нечистоты. Предувѣдавшій Ее Богъ (Рим. VIII, 29) давалъ Ей Свою благодатную помощь, и ангелы посылались для служенія Ей.

Въ жизни Маріи не было грѣховныхъ привычекъ или тяжелыхъ грѣховныхъ паденій, но тяжесть грѣха относительна. То, что почти не является грѣхомъ у человѣка, погрязшаго въ порокахъ, такъ какъ на фонѣ остальныхъ его дѣлъ кажется совершенно безразличнымъ, то, для человѣка высоконравственного и идеальнаго, является чернымъ пятномъ въ его душѣ. Для чистой и высокоблагочестивой Дѣвы Маріи даже всякая тѣнь маловѣрія и сомнѣнія, всякій маленькій упадокъ ревности къ богоугожденію, являлись замѣтнымъ грѣхомъ. Но Она все больше воодушевлялась къ борьбѣ съ нимъ. Не оправдывая Себя, Она грѣхи Свои заглаживала еще большею ревностью. Со смиреніемъ воспріявъ милость Божію быть Матерію Спаса Своего, Она вмѣстѣ съ тѣмъ воспріяла и тяжелый крестъ, орудіе въ сердце, ибо постоянно принуждена была трепетать за Своего Божественнаго Сына. Материнское сердце Ея естественно желало сохранить Его отъ всякихъ опасностей, и это желаніе иногда шло въ разрѣзъ съ волею пришедшаго положить душу Свою — Спаса міра. Не безъ искушеній былъ материнскій подвигъ Дѣвы, но Она и здѣсь боролась съ грѣховными прираженіями въ человѣческой природѣ, и волю грѣшнаго человѣка старалась покорить безгрѣшной Божественной волѣ. Мы видимъ вначалѣ Евангелія у Матери Божіей еще какія-то попытки спасти и удержать Своего Сына, исполняющаго лишь волю Своего Небеснаго Отца, отъ того пути, по которому Онъ пошелъ, не щадя Своей жизни. Это и вызвало указаніе Спасителя что

для Него не столько важны родственныя связи, сколько исполненіе воли Небеснаго Отца (Матѣ. XII, 48, 49; Мр. III, 33-35; Лк. VIII, 21). Но въ дальнѣйшемъ такія напominанія не были больше нужны для Пресвятой Дѣвы. Она прониклась тѣми же чувствами (Филипп. II, 5), какія были у Ея безгрѣшнаго Сына, Богочеловѣка, Свою человѣческую волю покорившаго единой у Него съ Отцемъ божественной волѣ. Покорно слѣдовала Она за Нимъ, хотя мечъ пронзалъ сердце, и скорби раздирали душу Ея при видѣ, сначала, опасностей, а потомъ страданій и смерти Своего Сына. Она и здѣсь какъ бы повторяла въ Своемъ сердцѣ: “Сѣ раба Господня! Да будетъ воля Твоя! Да будетъ по глаголу Твоему”. Больше, чѣмъ кому другому изъ послѣдователей Христа, Ей пришлось перестрадать, чтобы, отрекшись отъ Своей воли, покориться Его ученію. Но зато и больше всѣхъ награждена, больше всѣхъ возвеличена. “Блажени ихже оставишася беззаконія и ихже прикрывшася грѣси” (Псал. 31). Нѣтъ больше грѣховъ тамъ, гдѣ они прощены. Поэтому не нужно было и начинать разбирать вопросъ, были ли грѣхи у Пресвятой Маріи, и съ помощью построеній лжеименнаго разума (Тим. VI, 20) пытаться возвеличить возвеличенную Самимъ Богомъ. Не только по естеству является Марія возлюбленною Матерію Господа, но и какъ исполнительница воли Небеснаго Отца (Мѣ. XII, 48, 49; Мрк. III, 33-35; и Лк. VIII, 21), Его первая угодница.

Нѣтъ словъ передать славу славнѣйшей херувимъ и честнѣйшей безъ сравненія серафимъ Она стоитъ у самаго престола Того, Кого возлюбила всѣмъ существомъ и Кому посвятила всю Свою жизнь. А такъ какъ съ любовью къ Богу неизмѣнно связана любовь къ ближнимъ (I Іоан.), то у больше всѣхъ возлюбившей Бога, больше всѣхъ и любви къ людямъ. Ни одинъ вздохъ, ни

одна слеза не укрывается отъ Нея. И не потому, что лишь черезъ Нее открывается Духъ Святой, а именно въ силу этой любви Она является молитвенницей и предстательницей всего человѣческаго рода. Она — радость радующихся, утѣшительница скорбящихъ, помощь бѣдствующихъ, заступница всѣхъ христіанъ. Если еще въ отроческіе годы Она столько времени посвящала молитвѣ, что про Нее говорятъ “жила во святыхъ”, хотя, собственно говоря, она жила въ особомъ помѣщеніи для дѣвъ при храмѣ, а во Святое Святыхъ приходила только молиться, то теперь, пройдя земной путь, у Престола Славы Она вся погружена въ молитву, “день и ночь молится о насъ”, и “непрестанною молитвою спасаетъ міръ Дѣва всепѣтая”. И къ другимъ угодникамъ иногда обращаемся съ молитвою спасти насъ, так же, какъ и къ Богородицѣ, молить Бога о насъ, но преимущественно именно къ Богородицѣ мы взываемъ “спаси насъ”, выражая этимъ вѣру въ особенно сильную мощь Ея молитвы, всегда слышимой и исполняемой немедленно Ея Сыномъ. Но какъ помраченному взору трудно смотрѣть на свѣтъ, такъ и намъ, погрязшимъ въ грѣхахъ и страстяхъ, непостижима слава Богоматери, чудень и непонятень путь, которымъ Она къ ней пришла. “Неизрѣченныхъ Божіихъ и Божественныхъ таинъ зря въ Дѣвѣ благодать являемую и исполняемую, явственно радуясь и образъ разумѣти недоумѣваю странный и неизрѣченный: како избранная чистая явися паче всея твари видимыя и разумѣаемыя. Тѣмже восхвалити хотя сію, ужасаюся зѣло умомъ же и словомъ, обаче дерзая проповѣдую и величаю: сіе есть селеніе небесное” (Икосъ Введенія во храмъ).

II.

Продолженіемъ книги «Неопалимая Купина» служить сочиненіе того же автора «Другъ Жениха».

Подобно тому какъ въ первой книгѣ прот. С. Булгаковъ хотѣлъ дать ученіе о Богоматери, такъ во второй онъ хочетъ точно опредѣлить, кто такой Іоаннъ Предтеча, и какое его мѣсто въ небесномъ царствѣ. Вниманіе его привлекла икона Деисусъ (т.е. деисисъ — молитва), гдѣ Богородица и Іоаннъ Креститель изображаются въ молитвенномъ предстояніи Христу, и онъ проводитъ параллель между ними.

Нужно отмѣтить хорошую сторону этой книги. Приведено множество отрывковъ изъ священныхъ пѣснопѣній, посвященныхъ Предтечѣ, видимо, тщательно просмотрѣнныхъ. Внимательно изучена жизнь Іоанна Крестителя по Евангелію, и нѣкоторыя событія превосходно объяснены.

Однако, несмотря на эти достоинства, сочиненіе имѣетъ столь существенные недостатки, что они и его лишаютъ всякой цѣны. Какая-то предвзятая мысль руководила авторомъ, такъ что конечные выводы его совершенно произвольны и необоснованы, и, къ сожалѣнію, дѣйствительно вторая книга является достойнымъ продолженіемъ первой.

Прот. Булгаковъ, начиная излагать ученіе о Предтечѣ, говоритъ, что Предтеча былъ также необходимъ для искупленія людей, какъ и Богоматерь, почему и почитаніе ихъ имѣетъ много общаго. Такъ, они часто изображаются вмѣстѣ по правую и лѣвую сторону возлѣ Христа; только они, якобы, да архангелъ Гавріиль имѣютъ свои “соборы”, и т.д. Но доказательства, приводимыя авторомъ, болѣе чѣмъ слабы. Церковное ученіе о томъ, что безъ Предтечи не могъ прійти Христосъ, онъ усматриваетъ въ

томъ, что Предтеча называется денницей солнца, звѣздой, возвѣстившей солнцу (стр. 12). Однако, если передъ солнцемъ появляется утренняя звѣзда, то это еще не означаетъ, что солнце не могло существовать и восходить въ свое время, если бы этой, да и вообще звѣздъ, не было. Доказывать на основаніи этихъ словъ церковныхъ пѣснопѣний, что Христось настолько нуждался въ Предтечѣ, что не могъ безъ него прійти на землю для спасенія людей, нельзя кромѣ того еще и потому, что въ нихъ далеко не одинъ Іоаннъ Креститель называется звѣздою. “Звѣзда свѣтлая явилася еси непрелестная мірови, солнца Христа возвѣщающи зарями своими, страстотерпче” — поется каждому мученику (тропарь общій мученику). Если просмотрѣть богослужебныя книги, то въ нихъ безчисленное множество разъ можно встрѣтить, что тотъ или иной угодникъ Божій уподобляется звѣздѣ. Такое сравненіе можно найти даже въ службѣ, совершаемой на другой день послѣ собора Іоанна Предтечи, гдѣ называется звѣздою преподобная Домника, именуемая также “дѣвой непорочною”. “Яко величайшія двѣ звѣзды изнесоста всесвѣтлую зарю, яже возсіяетъ великое солнце міру” — говорится объ Іоакимѣ и Аннѣ в службѣ Зачатія Анною Богородицы. Но въ той же службѣ называется звѣздою и Самъ Христось: “Радуйся, звѣзды незаходимыя Мати, радуйся заре, таинственнаго дне”, — говорится въ послѣдованіи акаѳиста Пресвятыя Богородицы; а въ томъ же акаѳистѣ немного раньше звѣздою названъ не Христось, а сама Богородица: “радуйся звѣздо являющая солнце” (послѣд. акаѳиста, икосы 1 и 5). Изъ приведеннаго видно, что въ церковныхъ пѣсняхъ безразлично звѣздами называются и возсіявшая отъ Іакова звѣзда — Христось и Его Пречистая Матерь и многіе угодники Божіи. Именованіемъ звѣздою не опредѣляется, какое отношеніе къ дѣлу спасенія людей имѣетъ названное такъ лицо, и какое оно

мѣсто занимаетъ въ небесномъ царствѣ, а лишь указывается, что оно является духовнымъ свѣтиломъ, свѣтящимся въ грѣховномъ мракѣ и просвѣтляющимъ людскія души. То, что именно Предтеча именуется звѣздою — Денницей, вполне понятно, такъ какъ онъ былъ звѣздою, возсіявшей непосредственно передъ восходомъ Солнца Правды — Христа, и возвѣстилъ людямъ о Его приходѣ. Но ни въ прямомъ, ни, какъ здѣсь, въ переносномъ смыслѣ, неправильно считать, что безъ существованія денницы не могло взойти солнце.

Другое основаніе утверждать, что Предтеча безусловно необходимъ былъ для прихода на землю Сына Божьяго, прот. Булгаковъ видитъ въ томъ, что о Предтечѣ предсказано пророками, и что на это пророчество ссылаются всѣ евангелисты, показывая этимъ его важность. Но важность того или другого событія въ жизни Христа нельзя опредѣлить тѣмъ, сколько евангелистовъ про него говорятъ. Такъ, о рожденіи отъ Дѣвы Маріи говорятъ только два евангелиста, а о входѣ въ Іерусалимъ — всѣ четыре; о томъ, какъ Іисусъ Христосъ пятью хлѣбами насытилъ пять тысячъ, говорятъ всѣ четыре, а о томъ, какъ причастивши учениковъ на Тайной Вечерѣ, Онъ установилъ на всѣ времена таинство Евхаристіи, говорятъ только три, а четвертый, излагая гораздо подробнѣе, чѣмъ остальные, что Христосъ говорилъ и дѣлалъ на Тайной Вечери, опускаетъ именно это, о причащеніи же говоритъ лишь въ связи съ насыщеніемъ пятью хлѣбами, хотя это было лишь прообразомъ, а не установленіемъ Евхаристіи. Также нельзя о необходимости существованія Предтечи для возможности спасенія человѣческаго рода говорить на основаніи того, что о немъ предсказано пророками. Многіе признаки пришествія Христа и событія изъ Его жизни предсказаны для того, чтобы люди узнали пришедшаго Мессію и увѣрились въ томъ, что это Тотъ, Кого

ожидаютъ. Предсказано о рожденіи Христа въ Виѳлеемѣ и о избіеніи тамъ младенцевъ, о путешествіи въ Египетъ и возвращеніи оттуда, о пребываніи въ Галлилеѣ, о входѣ Господа въ Іерусалимъ на ослиати, о раздѣленіи ризъ, приче́мъ бросался жребій (о чемъ также упоминаютъ всѣ четыре евангелиста) и многое другое, такъ что въ евангеліяхъ постоянно дѣлаются ссылки на пророчества. Однако, неужели всѣ эти признаки настолько необходимы, что иначе Сынъ Божій не могъ спасти людей? Исполненіе этихъ пророчествъ важно, какъ доказательство истинности рѣчи Божіей, и того, что Іисусъ есть обѣщанный Христосъ. Но нельзя считать, что дѣло искупленія настолько связано съ Виѳлеемомъ, что не могли пророки предсказать, а Христосъ родиться не въ Виѳлеемѣ, а напр. въ Виѳаніи, или какомъ другомъ мѣстѣ; или, что Господь не могъ спасти людей, не сѣвъ на осленка. Конечно, не всѣ пророчества и событія жизни одинаково важны. Пророчество о Предтечѣ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ. Но все же ни откуда не видно, что безъ появленія Предтечи невозможно было спасеніе рода человѣческаго, т.е. Христосъ не могъ прійти на землю. По ученію прот. Булгакова, Предтеча былъ не столько необходимъ для людей, для ихъ приготовленія къ проповѣди Христа, сколько для Него Самого, чтобы Онъ не былъ одинокимъ въ мірѣ, будучи встрѣченъ Предтечей. “Въ его лицѣ Спаситель былъ принятъ на землѣ”, онъ и Богоматерь представляли собою всю Церковь, проявивъ образъ любви мужской и образъ любви женской. Поэтому “полнота любви церковной, общеніе со Христомъ дается въ соединеніи любви ко Христу Богоматери и Предтечи” — говоритъ авторъ («Другъ Жениха», стр. 21 и 27).

Въ Евангеліи “приготовленіе пути Господня” изображается какъ приготовленіе людскихъ сердецъ къ пріятію проповѣди Спасителя. “Уготовайте путь Госпо-

день, правы творите стези Его” — взывалъ Предтеча, и указывалъ, что приготовленіе это заключается въ смиреніи и покаяніи. Эта проповѣдь Іоанна еще сильнѣе возбудила и безъ того напряженное ожиданіе Мессіи, а послушавшіе Предтечу — первые сдѣлались послѣдователями Христа (Іоан. I, 37 и дальше). Лишь тѣсное общество особо преданныхъ личности Іоанна его учениковъ не оставляло его и даже негодовало на растущее вліяніе Іисуса; однако, и не послѣдовавшіе сразу за Христомъ, въ послѣдствіи охотно принимали проповѣдь о Немъ (Дѣян. XVIII, 24 и XIX, 7). Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно Іоаннъ уготовилъ путь Господу. Разсужденіе же прот. Булгакова, что Предтеча былъ нуженъ, чтобы, какъ представитель человѣчества, встрѣтить Христа и этимъ какъ бы оказать Ему моральную поддержку, не вытекаютъ изъ Евангельскаго повѣствованія, да, кромѣ того, и трудно согласиться съ тѣмъ что короткая встрѣча между Христомъ и Предтечей была смиреннымъ приходомъ Христа къ Іоанну.

По прот. Булгакову, Предтеча былъ необходимъ еще, какъ Креститель. Онъ говоритъ, что Господь нуждался въ крещеніи, а слѣдовательно, и въ Крестителѣ; что въ крещеніи Господь сталъ совершеннымъ Богочеловѣкомъ, получивъ усыновленіе Бога Отца и помазаніе Святаго Духа. “Крещенское Богоявленіе и есть новое и окончательное усыновленіе: Духъ Святой, сходя на землю, на крещаемого Сына Божія, свидѣтельствуетъ передъ Отцомъ это сыновство и совершаетъ усыновленіе”(«Другъ Жениха», стр. 82).

Эта мысль совершенно неправославная и есть уклоненіе къ старымъ гностическимъ ученіямъ, что Іисусъ именно въ крещеніи сталъ Христомъ. Разница между гностическими ученіями, обычно утверждавшими, что при крещеніи человекъ Іисусъ соединился со Словомъ, и

ученіемъ прот. Булгакова, не такъ ужъ велика, разъ, все равно, и тутъ лишь съ Крещеніемъ связывается полнота боговоплощенія. Борясь съ такими ученіями свв. отцы указывали, что Іисусъ съ самага Своего рожденія и даже зачатія былъ истинный Богъ, и, слѣдовательно, ничего не могъ получить сверхъ того, что уже имѣлъ, будучи единосущенъ и нераздѣленъ Отцу и Духу Съ первыхъ строчекъ Евангелія мы читаемъ, что праведный Симеонъ молить Бога отпустить его изъ этого міра, ибо онъ видѣлъ Христа Господня (Лк. II, 26-32). Благодать Божія уже тогда была на Немъ. Церковныя пѣсни, какъ и слова св. Отецъ, прославляющія Богоявленіе и Крещеніе Господне, говорятъ лишь о явленіи Святой Троицы, явленіи Христа, Его смерти, побѣдѣ надъ древнимъ врагомъ и освященіи Имъ міра, но отнюдь не объ освященіи, усыновленіи или помазаніи Самого Христа. Сходство въ церковныхъ службахъ Рождества и Крещенія, что прот. Булгаков склоненъ толковать, какъ взглядъ Церкви на Крещеніе какъ на второе Рождество, объясняется просто тѣмъ, что до конца IX вѣка Рождество и Богоявленіе праздновались въ одинъ день, такъ какъ у Евангелиста Луки есть указаніе, что Іисусъ, начиная служеніе, былъ лѣтъ около тридцати (Лк. III, 23), т.е. годовщина рожденія Господня и время Его крещенія приблизительно совпадали. Позднѣе, чтобы больше отмѣтить значеніе и того и другого событія, Рождество и Богоявленіе стали праздновать раздѣльно, сначала на западѣ, а потомъ и на востокѣ, кромѣ Арменіи, гдѣ и донынѣ Рождество и Крещеніе празднуется вмѣстѣ. Это, конечно, извѣстно прот. Булгакову, но онъ не хочетъ сдѣлать соотвѣтствующихъ выводовъ, а, между тѣмъ, это прежнее совмѣстное празднованіе и имѣетъ слѣдствіемъ, что службы этихъ праздниковъ, даже составленныя позднѣе, съ внѣшней стороны весьма схожи (кромѣ того на Крещеніе прибавляется водоосвященіе), а на западѣ даже

принято называть Богоявленіе праздникомъ “трехъ королей”, т.е. трехъ царственныхъ волхвовъ, пришедшихъ на поклоненіе новорожденному Христу, чѣмъ еще яснѣе напоминаетъ, что нѣкогда всѣ эти событія вспоминались вмѣстѣ. Но внутреннее значеніе и смыслъ каждаго изъ нихъ былъ особый, почему такъ быстро и привился новый порядокъ празднованія Церковью, въ безчисленныхъ пѣснопѣніяхъ дающей ясное ученіе о томъ и о другомъ событіи, не называя нигдѣ Крещенія Господня, ни духовнымъ Рождествомъ, ни Помазаніемъ.

Объясняя Крещеніе Христово какъ помазаніе Духомъ Святымъ, прот. Булгаковъ говоритъ, что Боговоплощеніе совершилось не только черезъ Богоматерь, давшую Христу Свою плоть, но и черезъ Предтечу, который крестилъ Христа, и черезъ то явился совершителемъ помазанія Его, черезъ схождение Св. Духа на Его человѣческое естество. Ученіе это, какъ мы видѣли, совершенно чуждо церковному, ибо Спаситель уже былъ Христомъ съ рожденія, и никакого помазанія при крещеніи не принималъ.

Святые отцы давали ясный отвѣтъ на вопросъ — съ какого времени Господь сталъ Христомъ, хотя имъ были извѣстны два уклоненія отъ истины — и что это совершилось еще до зачатія, и что лишь по достиженіи Христомъ зрѣлаго возраста. Прот. Булгаковъ допускаетъ второе, создавая своеобразную теорію, изъ которой дѣлаетъ рядъ дальнѣйшихъ выводовъ. “Пречистая и Предтеча въ своемъ соединеніи олицетворяютъ собою всю церковь небесную и земную, ангеловъ и человѣковъ”. Указывая на совмѣстное изображеніе Богоматери и Іоанна Крестителя въ молитвенномъ предстояніи Христу, и другія молитвенныя воспоминанія, гдѣ имя Предтечи слѣдуетъ непосредственно послѣ Богоматери, прот. Булгаковъ ищетъ основу этой близости. Указавъ на присущее имъ обоимъ служеніе

и другія сходственныя черты ихъ духовныхъ подвиговъ, но находя это еще недостаточнымъ, онъ, наконецъ, находитъ желанный ему отвѣтъ: ихъ духовная близость заключается въ отсутствіи вольнаго личнаго грѣха, въ личной безгрѣшности. Когда прот. Булгаковъ въ 1926 году писалъ 69 страницу книги «Неопалимая Купина», тогда Предтеча только приближался къ личной безгрѣшности; а весной 1927 г., когда писалась 28 страница книги «Другъ Жениха», Предтеча личною безгрѣшностью уже обладаетъ. Автору слѣдовало бы отмѣтить — сдѣлалъ ли онъ новое открытіе или измѣнилъ свое мнѣніе, а не помѣщать безъ оговорокъ въ книгахъ, составляющихъ продолженіе одна другой, два различныхъ отвѣта по коренному вопросу, затронутому въ этихъ книгахъ. Но проф. Булгаковъ, повидимому давшій первый отвѣтъ, недостаточно изучивъ и уже забывъ о немъ, теперь старается доказать правильность второго отвѣта. Доказательствъ, строго говоря, нѣтъ. Прот. Булгаковъ дѣлаетъ обзоръ жизни Іоанна Крестителя и указываетъ, что святость Предтечи на всемъ протяженіи его жизни, хотя прямо не засвидѣтельствована въ Евангеліи, но косвенно подтверждается. Приведя нѣсколько указаній на святость Іоанна, авторъ вдругъ начинаетъ говорить не только о святости, но и о безгрѣшности, которая якобы была засвидѣтельствована Господомъ въ Его бесѣдѣ съ учениками и народомъ (Мѡ. XI, 2-19 и Лк. VII, 18-35). Однако, никакихъ указаній на безгрѣшность Предтечи тамъ нѣтъ. Прот. Булгаковъ совершенно какъ бы забываетъ, что святость и безгрѣшность не одно и то же, и что если въ полномъ смыслѣ слова “единъ святъ” одинъ лишь безгрѣшный Господь Іисусъ Христосъ, то по милости Божіей къ святости приближаются безчисленные сонмы угодниковъ Божіихъ, называемыхъ святыми, хотя многіе изъ нихъ прежде были тяжкими грѣшниками. Въ Священномъ Писаніи безгрѣш-

нымъ называется одинъ Господь, и бесполезно искать въ немъ указанія на безгрѣшность кого-либо, кромѣ Него. Никто, кромѣ Бога и Ангеловъ, не называется безгрѣшнымъ и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ и твореніяхъ святыхъ отцовъ, въ совокупности выражающихъ священное преданіе и церковное ученіе.

Выраженіемъ церковнаго ученія о безгрѣшности Іоанна Предтечи, прот. Булгаковъ считаетъ празднованіе зачатія и рождества Іоанна Крестителя, и говоритъ, что празднуя зачатіе и рожденіе только Богоматери и Предтечи, Церковь этимъ сближаетъ ихъ и свидѣтельствуетъ о святости уже съ самаго зачатія, о свободѣ отъ грѣха. Смѣшивая здѣсь понятія святости и безгрѣшности, авторъ, однако, тутъ же помѣщаетъ часть стихиры, въ которой дается опредѣленный отвѣтъ — почему празднуется зачатіе. “Веселится тварь въ зачатіи твоёмъ, пророче и Предтече, Крестителю Іоанне: божественное бо твое рожденіе предзнаменуетъ намъ Владычно Рождество”.

Чтобы объяснить, какимъ образомъ Дѣва Марія и Креститель Іоаннъ могли дойти до такой степени святости, что не имѣли личныхъ грѣховъ, хотя тогда Христосъ еще не искупилъ насъ отъ первороднаго грѣха — прот. Булгаковъ указываетъ на ихъ святыхъ предковъ и говоритъ, что святость эта “накапливается и пріобрѣтается наслѣдственной святостью поколѣній Ветхозавѣтной Церкви”. Но онъ совершенно забываетъ, что среди предковъ Христовыхъ были и отличавшіеся не благочестіемъ, а страшнымъ нечестіемъ, а изъ четырехъ женскихъ лицъ, упомянутыхъ Еванг. Матѣемъ въ родословной Христа, одна лишь моавитянка Руѡъ, прославилась своей добродѣтельной жизнью, а нравственность остальныхъ трехъ не была особенно высока. Это, впрочемъ, не препятствовало тому, что дѣти нечестивыхъ родителей отличались высо-

кимъ благочестіемъ, что особенно ярко видно на примѣрѣ Ахаза и Езекии. Какія бы, однако, разсужденія ни приводились, личная безгрѣшность Предтечи является ученіемъ необоснованнымъ съ церковной точки зрѣнія, такъ же, какъ и таковое же ученіе о Богоматери, для обоснованія котораго авторъ употребилъ гораздо больше доказательствъ, но одинаково неудачныхъ. Подтверженіемъ того, что Церковь ставитъ Іоанна Предтечу въ особо исключительное положеніе наравнѣ съ Богоматерью, прот. Булгаковъ считаетъ то, что, якобы, только онъ и Богоматерь, да еще Архангелъ Гавріиль имѣютъ свои “соборы”. Этотъ взглядъ автора свидѣтельствуется лишь о его полномъ незнаніи церковныхъ книгъ и устава. Не говоря уже о томъ, что во всѣхъ богослужебныхъ книгахъ и даже календаряхъ, кромѣ двукратнаго собора архангела Гавріила (26 марта и 13 іюля) упоминается еще соборъ архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ (8 ноября), “соборы” имѣютъ весьма многіе святые. Если только раскрыть Прологъ — книгу, въ которой помѣщены краткія житія святыхъ и поученія на каждый день, или же греческую минею, гдѣ свѣдѣнія о празднуемомъ святомъ (синаксарь) помѣщаются послѣ 6-ой пѣсни канона, когда полагается, по уставу, ихъ прочитывать, то въ томъ же январѣ, когда соборъ Предтечи, можно найти цѣлый рядъ соборовъ. Восьмого января, “совершается же сихъ (Іуліана и Василисы) соборъ во святѣмъ ихъ мученіи, сущемъ при Форосѣ”. Девятого января, “совершается же соборъ мученія его (муч. Поліевкта) во святыхъ апостолахъ великихъ”. За первую половину января не меньше пяти разъ повторяется слово соборъ, причемъ въ день Іоанна Предтечи, седьмого января, сказано: “совершается же соборъ его въ Форакиі”. Подобное и въ другихъ мѣсяцахъ. Иногда въ подобныхъ выраженіяхъ говорится: “совершается соборъ, совершается праздникъ его”. Что же

обозначаетъ здѣсь слово “соборъ”, и къ чему здѣсь прибавлено географическое названіе? Именемъ собора (по-гречески — *isynaxys*), называется собраніе вѣрующихъ для прославленія святого. Когда совершалась память какого-нибудь угодника Божія, то собирались по преимуществу въ церковь, построенную на мѣстѣ его мученій (если это мученикъ), гдѣ есть мощи, или какимъ либо другимъ образомъ связанную съ именемъ празднуемаго святого. Тамъ совершалось торжественное всенощное бдѣніе, а затѣмъ, утромъ, литургія. Народъ со всей окрестности во множествѣ собирался къ мѣсту празднованія, почему и самъ праздникъ назывался соборомъ, собраніемъ. Такой порядокъ отчасти до сихъ поръ существуетъ въ Царьградѣ. Тамъ память многимъ святымъ совершается въ какомъ-нибудь опредѣленномъ храмѣ. Такъ, напримѣръ, память исповѣдника Іоанна Русскаго, про котораго какъ разъ русскіе почти не знаютъ (это малороссъ, захваченный турками во время Петра I), совершается 27 мая въ храмѣ “Панагія кафатіани” въ Галатѣ; муч. Маркеллы, 22 іюля, въ храмѣ Іоанна Предтечи, тамъ же, и такъ далѣе. Въ эти дни собирается множество народа, какъ и въ день храмового праздника совершается торжественное богослуженіе, проходящее при большомъ подъемѣ духа. Подобное мы видимъ въ Россіи, гдѣ всегда бываетъ большое стеченіе народа въ дни храмовыхъ праздниковъ или же въ дни празднованія чудотворной иконы или святого, котораго имѣются мощи — у этихъ мощей и иконы. Вотъ это стеченіе народа и дало названіе всему празднику. Въ книгѣ Типиконъ — уставѣ богослуженія — многократно встрѣчаются выраженія: “совершается же соборъ его, идѣже мощи его, и идѣже храмъ его”. Такія указанія встрѣчаются особенно часто въ дни памяти русскихъ, и опредѣляютъ, гдѣ должна этому святому совершаться торжественная праздничная служба

со всенощнымъ бдѣніемъ. Такимъ образомъ, свой соборъ имѣютъ не только Богородица и Іоаннъ Креститель, а почти каждый святой. Если же о “соборахъ” Богородицы, Іоанна Крестителя (даже безъ указанія мѣстъ) и архангеловъ Гавріила и Михаила говорится во многихъ богослужебныхъ книгахъ, а объ остальныхъ только въ нѣкоторыхъ, то это оттого, что стеченіе народа въ церквахъ въ дни, слѣдующіе за такими великими праздниками, какъ Рождество и Богоявленіе, бываетъ повсемѣстное, а кромѣ того, говоря о соборахъ святыхъ архангеловъ, Церковь указываетъ, что наши молитвенныя собранія являются подражаніемъ ликостояніямъ ангельскимъ, непрестанно прославляющимъ Бога.

Весьма также неудачнымъ надо признать и ссылку прот. Булгакова на порядокъ выниманія частицъ на проскомидіи, гдѣ онъ усматриваетъ сближеніе между Богородицею и Іоанномъ Крестителемъ; во-первыхъ, въ честь Богородицы частица вынимается изъ особой просфоры (или особой печати на ней, если просфора одна), а въ честь Предтечи изъ той же, изъ которой вынимаются 9 частицъ въ честь всѣхъ святыхъ; а во-вторыхъ, даже вынутіе особой частицы въ честь Предтечи непосредственно послѣ Богородицы не есть повсемѣстный обычай, такъ какъ въ греческихъ церквахъ изъ девятичинной просфоры (или печати) первая частица вынимается въ честь безплотныхъ силъ, а лишь вторая въ честь Іоанна Крестителя, Моисея, Аарона и всѣхъ остальныхъ пророковъ.

Быть можетъ покажется, что все это столь незначительныя ошибки прот. Булгакова, что ихъ бы не стоило касаться, но онѣ показываютъ, на какихъ призрачныхъ и богословски необоснованныхъ доказательствахъ строить онъ свои теоріи. Однако, онъ не только не останавливается на здѣсь изложенныхъ своихъ взглядахъ, но идетъ гораздо

дальше. Продолжая разбирать вопросъ о прославленіи Предтечи, онъ доходитъ до того, что приписываетъ Православной Церкви ученіе, будто Іоаннъ Креститель былъ не только человѣкъ, но и ангелъ, соединилъ въ себѣ естество ангельское и человѣческое, былъ “ангелочеловѣкъ”. Прот. Булгаковъ даже точно опредѣляетъ, какое мѣсто занимаетъ Іоаннъ среди ангеловъ: онъ будто бы занялъ мѣсто отпавшаго Денницы. Но когда и гдѣ Церковь допускала смѣшеніе ангельскаго и человѣческаго естества, или соединеніе ихъ въ одномъ лицѣ? Авторъ приводитъ рядъ церковныхъ пѣснопѣній, гдѣ Предтеча называется ангеломъ, согласно съ главами пророчества Малахіи “се Азъ посылаю ангела Моего предъ лицемъ Твоимъ”, а также указываетъ, что иногда Предтеча изображается съ крыльями.

Но что, въ дѣйствительности, означаетъ названіе Предтечи ангеломъ? Слово “ангелъ” означаетъ “вѣстникъ”. Пророкъ Малахія и предсказывалъ, что Богъ пошлетъ Своего вѣстника для возвѣщенія людямъ о приходѣ Христа и приготовленія ихъ къ Его пріятію. Самъ Господь тоже называется “Ангеломъ Великаго Совѣта” (Ісаія IX, 6; 5 ирмосъ Рождества), какъ посланный въ міръ Богомъ Отцомъ (Іоан. V, 23 и много другихъ); но все же Онъ не воспріялъ ангельскаго естества (Евр. II, 16), почему въ то же время говорится, что пришелъ “не ходатай, не Ангелъ, но Самъ Господь воплощся” (Ирмосъ 4 пѣсни, 2 гл.). Іоаннъ Предтеча называется ангеломъ еще и потому, что жизнью своею подражалъ ангеламъ, совершенно не заботясь о своихъ потребностяхъ, и будучи всецѣло преданъ порученному ему Богомъ служенію. Святые въ этомъ смыслѣ именуются подражателями безплотныхъ силъ. “Что Васъ наречемъ, святіи, — воспѣваетъ Церковь, — херувимы ли, яко на Васъ почилъ есть Христосъ; серафимы ли, яко непрестанно прославляете Его; ангелы

ли — тѣла отвратитесь; силы ли — дѣйствуете чудеса; многа ваша имена и большая дарованія, — молитесь спастися душамъ нашимъ” (Стихира 7 гласа). “Терпѣнія столпъ былъ еси, ревновавый праотцемъ, преподобне; Іову въ страстехъ, Іосифу во искушеніяхъ и безплотныхъ жительству, сый въ тѣлеси”, поется преподобнымъ Сумеону, Алипію и другимъ столпникамъ (Тропарь столпникамъ).

Не отрицая того, что преподобные именуются пожившими равноангельное житіе, прот. Булгаковъ утверждаетъ, однако, что лишь пророкъ Ілія и Іоаннъ Предтеча прямо воспѣваются, какъ “во плоти ангелы”. Но этимъ онъ лишній разъ ярко подчеркиваетъ свое незнаніе церковныхъ службъ. Всего черезъ нѣсколько дней послѣ Собора Іоанна Предтечи, въ службѣ 17 января, преп. Антоній Великій нѣсколько разъ называется “небесный челоуѣкъ, земной ангелъ” (Стихиры на вечернѣ), а препод. Макарію Великому поется 19 января: “Пустынный житель и во плоти ангелъ” (Тропарь). Подобныя выраженія встрѣчаются во весь кругъ годового богослуженія. Тропарь “пустынный житель и въ тѣлеси ангелъ” поется еще преп. Іоанну Лѣствицику, Моисею Мурину, Киріаку (4 нед. Велик. Поста, 28 авг., 29 сент.) и другимъ. Ангеломъ называется и самъ назвавшій этимъ именемъ Предтечу — пророкъ Малахія, приэтомъ, не только въ службѣ ему 3 января, но и въ неканонической III книгѣ Ездры (I, 40), да и само имя Малахіи значить “ангелъ”. Пріятіемъ Великаго Ангельскаго образа называется постриженіе въ монашество. Всѣми этими выраженіями Церковь вовсе не имѣетъ въ виду указать, что лицо, такъ именуемое, стало ангеломъ по естеству, но лишь свидѣтельствуетъ о его высокой духовной жизни. Что въ такомъ же смыслѣ надо понимать названіе ангеломъ Іоанна Предтечи, прямо говорится въ приведенной самимъ прот. Булгаковымъ

стихирѣ, поемой на день Рождества Предтечи, твореніи знаменитой монахини Кассіи: “человѣкъ убо естествомъ, ангель же житіемъ сый”. Да и самъ проф. Булгаковъ на стр. 118 говоритъ не о томъ, что Іоаннъ совмѣстилъ два естества — ангельское и человѣческое, — а о томъ, что онъ “какъ равноангельный человѣкъ, соединяющій въ себѣ полноту естества человѣческаго и высоту и близость къ Богу естества ангельскаго, стоитъ выше и самихъ ангеловъ”. Такимъ образомъ, по этому вопросу о безгрѣшности Предтечи, проф. Булгаковъ даетъ два отвѣта, на этотъ разъ уже въ одной книгѣ.

Что Церковь не приписываетъ Іоанну Предтечѣ ангельскаго естества ясно видно изъ многочисленныхъ молитвъ (напр. “Спаси Боже люди Твоя” и “Владыко Многомилостиве” на литіи; молитва ко Господу Іисусу Христу, послѣ акаѳиста Сладчайшему и 8-я вечерняя), гдѣ Креститель упоминается отдѣльно отъ ангеловъ, притомъ, послѣ нихъ; также изъ того, что въ посвящаемые имъ дни, она не воспоминаетъ съ ними и Предтечи, а среди недѣльныхъ воспоминаній ему посвященъ вторникъ, въ то время, какъ ангелы славятся въ понедѣльникъ, а апостолы и святители со св. Николаемъ — въ четвергъ. Изображеніе Іоанна Предтечи съ Ангельскими крыльями вовсе не есть указаніе на его ангельское естество, а лишь напоминаніе словъ Священнаго Писанія: “се Азъ посылаю Ангела Моего”. При этомъ нужно замѣтить, что прот. Булгаковъ, говоря о различныхъ иконахъ Предтечи, совершенно не обращаетъ вниманія, является ли то или иное изображеніе его принятымъ во всей Церкви, или представляетъ мѣстное и случайное явленіе, нигдѣ больше не встрѣчающееся. Между тѣмъ, лишь общепринятые изображенія могутъ выражать преданіе Вселенской Церкви.

Становясь на путь буквального пониманія выраженій, употребляющихся въ переносномъ смыслѣ, и

символическихъ изображеній, авторъ открываетъ путь къ цѣлому ряду неожиданныхъ выводовъ. Господь Іисусъ Христосъ называется Агнцемъ гораздо чаще, чѣмъ Іоаннъ ангеломъ. Въ древней Церкви, во время гоненій, Его даже изображали въ образѣ Агнца. Неужели поэтому надо считать, что Господь воспріять естество агнчее? А-между тѣмъ, слѣдуя методу проф. Булакова, нужно учить, что Іисусъ Христосъ есть не только Богочеловѣкъ, а что Онъ Богоангелочеловѣкоагнецъ или, по крайней мѣрѣ, Богочеловѣкоагнецъ. Какъ ни абсурдна и кощунственна подобная мысль, но она вполне послѣдовательна.

Идя тѣмъ путемъ, которымъ пошелъ въ своихъ изысканіяхъ прот. Булгаковъ, — отвлекшись отъ прямого ученія Церкви, искать подтвержденіе своимъ взглядамъ въ отрывочно взятыхъ выраженіяхъ изъ Священнаго Писанія или молитвословій, не обращая вниманія на остальные мѣста, этихъ взглядовъ не подтверждающія, — можно дойти до еще болѣе крайнихъ выводовъ. Но это не будетъ ни православнымъ ученіемъ, ни восхваленіемъ святого. Истины, содержимыя Церковью, должны раскрываться во всей полнотѣ ея ученія, исповѣдуемаго Вселенскою Церковью.

“Болій въ рожденныхъ женами пророка Іоанна Крестителя никтоже есть”, сказалъ Господь. Лишь рожденный не отъ жены, а отъ Дѣвы, Богочеловѣкъ да эта “Честнѣйшая Херувимъ и Славнѣйшая Серафимъ” Дѣва больше, чѣмъ онъ среди людей. Онъ олицетвореніе полной преданности Богу. Съ дѣтства живетъ въ пустынѣ, отвергшись всякихъ удобствъ и нѣги, удовлетворяя только самыя необходимыя потребности своего тѣла. Онъ весь живетъ духовной жизнью. Грѣхъ первородный не былъ еще снятъ Христомъ съ людей и проявлялся въ человѣческой природѣ. Церковь не указываетъ, какіе были грѣхи у Предтечи; но, исповѣдуя единымъ безгрѣшнымъ Господа.

она этимъ признаеть существованіе грѣховъ и у Предтечи. Да и какъ бы человѣкъ могъ сохраниться отъ проявленій живущаго въ человѣчествѣ грѣха, находясь подъ властью грѣха и въ рабствѣ (Евр. II, 15), въ отчужденіи отъ Бога. Правда, называль Богъ нѣкоторыхъ праведниковъ Своими друзьями (Іак. II, 23), освящаль еще въ утробѣ матери (Іер. I, 5), даже исполняль Духа Божія (Исх. XXXI, 3), но все же они лишь вѣрою взирали на исполненіе обѣтованій, умерли, не получивъ ихъ, и сошли во адъ (Быт. XXXVII, 35).

Іоаннъ былъ послѣдній и величайшій праведникъ Старога Завѣта, уже стоявшій на порогѣ Новаго, но все же, живя до совершенія Христомъ нашего искупленія, и онъ былъ подъ грѣхомъ, который жестоко терзалъ человѣчество. Если и въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ никого, который бы совершенно грѣховъ не имѣлъ, еще невозможно было достигнуть такой безгрѣшности до него. Но все же степень грѣховности и грѣхи бываютъ разные. У Іоанна не было привязанности къ грѣху или грѣховнымъ привычкамъ. Наоборотъ, будучи исполненъ Духа Святаго еще отъ чрева матери своея, онъ ясно видѣлъ мерзость его и ненавидѣлъ какъ грѣхъ вообще, такъ и свой собственный.

Ненависть къ этимъ грѣхамъ, желаніе отъ нихъ очиститься, и упорная борьба съ ними, работа надъ собою, въ сознаніи въ то же время своего недостойнства и составляютъ настоящее покаяніе, проповѣдникомъ котораго сдѣлался Іоаннъ. Естественно слышать призывъ “покайтесь” изъ устъ безгрѣшнаго Господа, непричастнаго ни къ первородному, ни къ личнымъ грѣхамъ. Но, если покаяніе проповѣдуетъ кто-нибудь не свободный отъ нихъ, онъ долженъ самъ первый исполнить то, что проповѣдуетъ. И, видно, глубоко было покаянное настроеніе у Іоанна, упорно искореняль онъ въ себѣ всякое поползновеніе ко грѣху и видѣлъ даже свои малѣйшіе

недостатки, что когда онъ сдѣлался готовымъ воспріять глаголь Божій, изъ глубины его переполненной покаяннымъ чувствомъ души вырвалось — “покайтесь”.

Извѣстно, что не такъ дѣйствуетъ слово, какъ личный примѣръ. “Иже сотворить и научить сей велій наречется въ царствіи небесномъ”. Іоаннъ всю свою жизнь олицетворялъ настоящее покаяніе. Вотъ почему и раздался такъ громко его голосъ и “исхождаше къ нему Іерусалимъ и вся Іудея и вся страна Іорданская”. Люди шли, открывали ему свои грѣхи и, какъ у искуснаго врача, спрашивали, какъ лѣчить свои душевныя болѣзни. А Іоаннъ оставался смиреннымъ, и, въ сознаніи своего недостойнства, указывая, какъ бороться съ грѣхомъ, во всеуслышаніе проповѣдывалъ, что дѣйствительное очищеніе отъ грѣховъ принесетъ Грядущій за нимъ, у Котораго онъ недостойнъ развязать ремень обуви Его.

Пришелъ Чаемый; повинувъсь Ему, Іоаннъ крестилъ Его съ трепетомъ, и увидѣлъ, какъ разверзлось небо и явилась Тайна Святой Троицы, когда Христосъ смиреннымъ преклоненіемъ главы подъ руку Своего раба заглаживалъ грѣхъ гордо поднявшейся за запрещеннымъ плодомъ руки прародителей.

Объявивъ ученикамъ и народу о пришествіи Избавителя отъ грѣха и указавъ на Него, Іоанн продолжалъ звать къ покаянію. Онъ видитъ, что слава его померкла съ приходомъ Большаго Свѣтила, но не скорбитъ, а радуется этому. Онъ радуется, что подготовленный имъ народъ устремился къ проповѣданному имъ, ибо не словами только, а всѣмъ существомъ склонялся онъ предъ Нимъ и былъ преданъ Ему. Онъ продолжаетъ проповѣдывать правду Божию, дерзновенно возвѣщаетъ ее царю земному и попадаетъ въ темницу. Но и оттуда слышится его голосъ, хотя теперь только для немногихъ, пока мечъ не прекращаетъ земной жизни.

Душа по смерти его, какъ и всѣ души до него, идетъ во адъ, но идетъ съ проповѣдью о пришествіи на землю Христа и приближеніи избавленія. Послѣ сошествія Христа во адъ, онъ съ Нимъ идетъ въ рай и, какъ преданнѣйшій изъ людей, предстоить Престолу Его вмѣстѣ съ Богородицею. Величайшій изъ рожденных женами веселится съ ангелами и молится за своихъ собратьевъ. Онъ оставилъ урокъ для всякаго. Мученики, преподобные, священники, монахи, дѣвственники имѣютъ въ немъ своего вождя. Каждый христіанинъ имѣетъ въ немъ примѣръ смиренія и преданности Богу. Призывая его на помощь нужно подражать ему и по силѣ прославлять; достойно же восхвалить его не въ нашихъ силахъ. “Память праведнаго съ похвалами тебѣ же довлѣетъ свидѣтельство Господне, Предтече”.

III

Ученіе протоіерея Булгакова о почитаніи Богородицы и Іоанна Предтечи, которое, какъ выяснено, никакъ не можетъ считаться православнымъ, опасно не столько само по себѣ, сколько потому, что въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, авторъ явился выразителемъ идей, охватившихъ нѣкоторые круги русскаго мыслящаго общества. Эти идеи связаны съ ученіемъ о Софіи — Премудрости Божіей. “Софія” это греческое слово, означающее премудрость.

Такъ какъ въ задачу настоящей статьи входило лишь дать критическій разборъ ученія такъ наз. софіанцевъ о Богоматери и Іоаннѣ Крестителѣ, то здѣсь ограничимся

указаніемъ, что до сихъ поръ, сообразно словамъ Священнаго Писанія “Мы же проповѣдуемъ Христа распята, Иудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе, самимъ же званымъ Иудеемъ же и Еллинномъ Христа, Божію Силу и Божію Премудрость”. Въ церковномъ ученіи, выражающемся въ частности въ святоотеческихъ твореніяхъ и церковныхъ молитвахъ, утвердилось пониманіе, что Премудрость Божія есть одно изъ наименованій Сына Божія. Въ настоящее время появилось теченіе мысли, старающееся дать другое пониманіе имени Премудрость. Не давая опредѣленнаго, пока, ученія и оставляя широкое поле для дальнѣйшихъ философскихъ изысканій, представители этого ученія уже ясно показали свое направленіе. Хотя они при доказательствахъ и приводятъ выдержки изъ св. отцовъ, но какъ мѣтко подмѣтилъ гр. Ю. П. Граббе въ «Корняхъ Церковной Смуты», здѣсь, въ сущности, полемика со св. отцами («Корни Црк. Смуты», гл. VI).

Разрушаютъ уже утвердившееся въ Церкви ученіе, и, не давая еще новаго положительнаго ученія, ведутъ разработку его съ опредѣленнымъ стремленіемъ найти въ “Софіи” женственное начало, какъ Божества, такъ и человѣчества. Есть, говорятъ, Софія небесная, нетварная и есть Софія тварная. Находясь и въ Божествѣ и въ твореніи, Софія соединяетъ Творца и тварь. Устанавливается какъ бы лѣстница сущностей, и этимъ уничтожается ясное различіе между сотворившимъ и сотвореннымъ. Высшая степень тварной Софіи есть переходъ къ Софіи нетварной. Такъ какъ “Богоматерь софійна въ предѣльной степени” («Неопал. Купина», стр. 189), то она и “есть тварь, но уже не тварь” (тамъ же, стр. 191). Если “божественная Софія откровеніе Св. Троицы” (тамъ же, стр. 189), то Богоматерь “это вѣчная жизнь если не самого Божества, то въ Божествѣ” (тамъ же, стр. 191). Вообще, дѣлается попытка вездѣ найти параллель мужскаго и женскаго начала.

При неразработанности еще софіанскаго ученія и разныхъ его оттѣнковъ еще неточно опредѣлено “всему свое мѣсто”. Въ частности, женское начало въ Божествѣ является чѣмъ-то близкимъ къ Святому Духу, хотя и не отождествляется съ Нимъ вполне. Въ опредѣленіи положенія Богородицы тоже проявляется колебаніе — въ книгѣ «Неопалимая Купина» проф. Булгаковъ ставитъ Ее въ параллель и въ соотвѣтствіе Іисусу Христу, а въ «Другъ Жениха» — Іоанну Крестителю. Но въ общемъ хотятъ создать что-то новое, основываясь на построеніяхъ ума и отвлеченныхъ философскихъ разсужденіяхъ. И ясно видно стремленіе какъ бы сравнять Божество и человечество, поставить не только людей въ зависимость отъ Бога, но и Бога въ зависимость отъ людей. Для того и якобы, возвеличиваются Дѣва Марія и Іоаннъ Предтеча, чтобы потомъ показать, что безъ представителей человечества ничего бы не могъ сдѣлать Богочеловѣкъ Христосъ. “Божество и человечество въ сущности суть разныя части одной лѣстницы”. Это не говорится прямо, но ясно проводится.

Вспоминаются первые вѣка Христіанства, когда въ результатъ стремленія получить точное знаніе о Богѣ и мірѣ появилась стройная система гностика Валентина, представлявшая 15 паръ эоновъ, производившихъ одна другую, гдѣ также строго различалось въ каждой парѣ мужское и женское начало. До выводовъ Валентина новые философы не дошли, нѣтъ еще также основаній утверждать, что они отъ него заимствуютъ свое ученіе. Однако, одинаковыя основанія кладутся и тамъ, и здѣсь — человѣческія разсужденія, приспособляющія къ себѣ, а не склоняющіяся передъ богооткровенными истинами. Это есть стремленіе уравнивать и перемѣшать то, что открылъ Богъ, и что нашель самъ человѣкъ. И прежде, и теперь, отъ этого получаютъ сходственные результаты.

Наши философы какъ бы чувствуютъ свою близость къ древнимъ еретикамъ, не скрывая своихъ симпатій къ нимъ и видя въ нихъ проповѣдниковъ истины (Карсавинъ, «Св. Отцы и Учителя Церкви»). Горделивый умъ не можетъ примириться со смиреннымъ припаданіемъ къ Богу. Пріятнѣ самому сорвать плодъ, чѣмъ получить его отъ Создателя. Это то, что выразилъ Владимиръ Соловьевъ въ своемъ словѣ въ память Огюста Конта, когда призывалъ, чтобы религію сдѣлать богочеловѣческою, влить въ нее больше человѣческаго — сейчасъ она слишкомъ божественна.

Не скрывая, стремятся реформировать православіе сторонники новаго философскаго теченія. «Православный укладъ долженъ будетъ передѣлаться. Новый стиль возникаетъ въ православіи», пишетъ Бердяевъ. Отъ редакціи ихъ органа «Путь» провозглашается: «Образуется новый укладъ православной души, болѣе активный, творческій, болѣе мужественный, безстрашный» («Путь», сентябрь, 1925г.). Такимъ образомъ прямо заявляется, что Православіе до сихъ поръ неудовлетворительно со всѣхъ сторонъ. Недостаточно поняли христіанское ученіе отцы Церкви, недостаточно были безстрашны и мужественны св. мученики, и вѣроятно уже совсѣмъ неактивны святые Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ и Ермогенъ Московскія, Савва Сербскій и Петръ Цетинскій († 1830), хотя эти просвѣтители, будучи духовными пастырями, были и выдающимися дѣятелями въ государственной-общественной жизни. Хотятъ создать новое «православіе», съ новымъ ученіемъ, новымъ укладомъ жизни, даже «новой душой».

Но будетъ ли это Православіемъ, даже вообще Христіанствомъ? Непонятно, какъ это не замѣчаютъ нѣкоторые, повидимому искренне преданные православію люди. Непонятно, какимъ образомъ протоіерей

Сергій Булгаковъ, ревностно совершая богослуженіе, съ любовью изучающій церковныя пѣснопѣнія, проповѣдуетъ противоположное имъ. Быть можетъ онъ въ глубинѣ души чувствуетъ свою неправоту и этимъ объясняются колебанія въ его заключеніяхъ, не соотвѣтствующія его званію и положенію промахи, которые можно не видѣть только закрывши глаза. Но если такъ, пусть онъ откажется отъ написаннаго имъ, и не вводитъ въ заблужденіе тѣхъ, кто читаетъ его произведенія. Пусть останутся желающіе передѣлывать Церковь, которая есть “столпъ и утвержденіе истины” (I Тим. III, 15). Будемъ надѣяться, что они услышатъ если не нашъ голосъ, то голосъ Апостола Павла: “О Тимоѳеѣ, преданіе сохрани, уклоняясь скверныхъ суесловій и прекословій лжеименнаго разума, о немже нѣции хвалящеся о вѣрѣ погрѣшиша” (I Тим.) Но если все же продолжится исканіе новой вѣры и новой премудрости, вѣрные сыны Церкви да останутся непоколебимы въ Православіи, воспѣвая единымъ сердцемъ и едиными усты: “Не мудростью и силою и богатствомъ хвалимся, но Тобою, Отчею Упостасною Мудростію, Христе, нѣсть бо святъ паче Тебе, Человѣколюбче” (Ирмосъ 3-й пѣсни канона Св. Апостоламъ Петру и Павлу).

Оглавление

Предисловие	5
-------------------	---

Статьи Влад. Иоанна (Максимовича) воспроиз-
ведены способом репринт

I Как св. Православная Церковь чтит и чтит Божию Матерь	13
--	----

II Почитание Богородицы и Иоанна Крестителя и новое направление русской религиозно-философской мысли	53
--	----

. 5

. 13

. 53

Миссионерский Фонд Западно-Европейской епархии
Русской Православной Церкви Заграницей

и

Община Казанской церкви
Воскресенского Новодевичьего монастыря
С.Петербурга юрисдикции Архиерейского Синода
Русской Православной Церкви Заграницей

